

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

романтический ДЕТЕКТИВ

Евгения Кротова
Макошин скит
Серия «Романтические детективы
Евгении Кротовой», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66780763

Макошин скит:

Аннотация

В жизни Макса Александрова все утряслось. И именно в этот момент он узнает об исчезновении Карины, двоюродной сестры. Ее парень утверждает, что девушка бросила его, а мать радуется: дочь снова окажется под родительским кровом и влиянием. Мать уверена, что дочь прячется у подруг. Но выясняется, что Карина отказалась от мирской жизни и примкнула к отшельникам. И чем больше Макс узнает о новом увлечении сестры, тем сильнее за нее переживает: все, кто оказался в поселении отшельников, бесследно исчезают. Новые приключения уже знакомых героев в детективе «Макошин скит».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	57
Глава 5	71
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Евгения Кретова

Макошин скит

*Даже за самыми правильными
словами иногда прячется дьявол*

Пролог

Матушка Ефросинья поправила платок, подтянула плотнее узел, закрепив его на подбородке: и без того узкое лицо стало еще более узким. Подняла тяжелый взгляд на притихшую перед ней девушку.

– На колени вставай... – заметив, что девушка замешкалась, рявкнула: – Повторять тебе?!

Девушка вздрогнула, будто от пощечины, посмотрела затравленно. Подавив вздох, неохотно подчинилась. Медленно опустившись на колени, коснулась голыми руками пола.

Матушка удовлетворенно кивнула:

– То-то же. Я из тебя дурь-то выбью, похоть твою бесовскую...

– Матушка Ефросинья, – девушка простонала, едва не падая в обморок, – пощади, не пойму, о чем ты говоришь, в чем меня обвиняешь? Третьи сутки без сна: днем работой загоняешь, не присесть, ночью – на коленях стоять заставля-

ешь, перед обра́зами. Сил нет моих больше. Пощади! Да и не виновата я ни в чем!

Матушка нахмурилась. Губы ее сомкнулись в тонкую непримиримую линию, на лбу пролегла глубокая вертикальная морщинка, сделав женщину старше лет на десять.

– Упорствуешь значит... отпираешься... – прошелестела.

Девушка встрепенулась, отчаянно замотала головой:

– Нет, что ты, что ты, матушка... – в глазах застыл страх.

Матушка Ефросинья отложила рукоделие, посмотрела строго, будто булавой огрела.

– Сама сюда пришла, помнишь ли? Никто не звал, не тянул тебя.

– Помню, матушка, да я и...

– Законы наши тебе донесли, с ними согласилась ты, – матушка не слушала ее, только при каждом слове светлел ее взгляд, и будто начинал гореть изнутри, прожигая поникшую девушку с головы до пят. – А сама как блудливая девка к мужикам ластишься!

Девушка в ужасе отпрянула:

– Что ты, и в мыслях не было... Да и какие мужики...

– Молчать! – матушка Ефросинья наотмашь ударила ее по лицу.

Та повалилась на пол, матушке в ноги. Схватила дрожащими руками за сапоги:

– Пощади...

Та встала, оттолкнула ее. Прошипела зло:

– Бесовское отродье. Шалава подворотная. Я из тебя похоть-то блудливую повыбью.

Девушка вздрогнула, когда заметила, что рука матушки потянулась к висевшей на стене плети – резное кнутовище, свитая из пеньки веревка с грубым узлом на конце., Втянула голову в плечи, забилась в угол.

– Мыслишки-то твои поганые повытрясу, как из половика пыльного, – продолжала шипеть матушка, отставляя в сторону руку и замахиваясь.

Когда первый удар опустился на плечи, рассекая тонкую ткань сорочки, девушка коротко вскрикнула, прикрыла голову руками. Кожу опалило – матушка Ефросинья была мастерица хлестать, делала это с оттяжкой, срывая взбугрившуюся кожу, раздирая живую плоть до кости. Всхлипывая и прикрывая от увечья лицо, девушка считала удары – два, три, четыре, десять. Матушка дышала тяжело, шаталась. Жаловалась с утра на головную боль. Девушка вздохнула с облегчением – если б не матушкина голова, еще бы десять ударов получила, а после такого неделю не встанешь.

Перешагнув через вздрагивающее тело девушки, матушка Ефросинья прошла в середину комнаты, наклонилась. Отодвинула пестрый половик. Дернув задвижкой, распахнула дверь подпола. Кивнула в темную яму:

– Ступай! – велела непримиримо. Скрестила руки на груди в ожидании. Светлые глаза смотрели с ненавистью и презрением.

– Матушка, – прошептала девушка, закусив губу, – пощади.

– Сама пойдешь или мужиков позвать?!

Девушка, подобрав лохмотья разорванной сорочки, медленно подползла к двери в подпол. Оттуда веяло сыростью и могильным холодом. Посмотрела с надеждой на матушку Ефросинью – та отвернулась, поджав губы.

Вздохнув, девушка, спустилась по деревянным ступеням в подпол. Услышала, как на лестницу упали несколько восковый свечей, спички. Последним упал платок, в котором она пришла к матушке.

Крышка захлопнулась. Девушка оказалась в непроглядной тьме.

Глава 1

Карина

Конец марта, Смоленск

– Карин, я в магазине, чего взять к ужину? – Рафаэль громко шмыгнул в трубку – замерз, покосился на посиневшие пальцы, интенсивно подышал на них.

К черту такой март, который хуже ноября: пуржит, но мелко, будто исподтишка, противно и пакостно. Снег тает, не долетая до земли, оседая крупинками на волосах, одежде. Но самое мерзкое то, что чавкает под ногами, пробираясь даже сквозь швы зимних ботинок.

Схватив тележку, парень решительно вкатил ее в торговый зал, по привычке притормозил в овощном отделе.

– Ну, чего брать-то? – поторопил, потому что Карина молчала.

Она замер у прилавка с колбасами, повел носом, сразу почувствовав, как жалобно заскулил голодный зверь в желудке, поскрёбся.

– Ничего, Раф. Себе бери, что хочешь, я приготовлю.

Рафаэль засопел озадаченно, отошел от прилавка, чтобы не мешать молодой паре выбирать продукты, посмотрел с завистью. Прикрыв динамик ладонью, уточнил:

– Карин, что-то случилось? Болит что-то? Мать звони-

ла? – с каждым вопросом тревожность нарастала.

Карина в последнее время беспокоила его. Стала молчаливой, замкнутой и раздражительной. На безобидную шутку о возможной беременности отреагировала агрессивно: «Не смей шутить об этом!». А чего не смей? Раф же хотел наоборот, подбодрить, намекнуть, что в принципе, готов и хотел бы. И оформить отношения не против. И даже говорил ей об этом. Но Карина мрачнела и уходила от разговора. При чем уходила буквально – подрывалась, будто кипятком ошпаренная, бормотала что-то про «кучу дел» и убегала на кухню. Бесконечно что-то драила и мыла.

Запретила покупать хлеб. Стала печь сама, по особому рецепту, который подсказала знакомая. Перестала готовить половину блюд. Тяготела к простой и грубой пище. Рафаэль сперва думал – ну, неохота готовить, вот и запаривает гречу в воде, да на ночь в холодильник ставит. Ну не хочет морочиться с подливками – некогда, на работе устает, учится, опять же. Хоть и в вечерке, но все-таки.

Предложил как-то покупать готовую еду, денег вроде хватает. Карина взбесилась. Неделью с ним не разговаривала.

Но самое главное, что озадачивало Рафаэля, – она перестала петь. Вообще.

Раньше что бы Карина ни делала, она всегда что-то мурлыкала под нос. Или слушала в наушниках, или на Яндекс-станции. Музыка постоянно сопровождала ее. Разная – современная и не очень, отечественная и западная, рок и эт-

но, джаз и фольклор. Сейчас же Карину будто отключили от приемника – тишина.

И эта глухая тишина вокруг нее разрасталась, прорастала и в их отношения.

И Раф ничего не понимал.

Окинув взглядом покупателей, он отошел к стеллажу с консервацией, уткнулся в него лицом и проговорил в трубку:

– Карин, что молчишь? Что происходит?

– Ничего не происходит. Просто себе бери продукты, а у меня голод.

– То есть как? Это диета какая-то новая? Так тебе нафига, у тебя все в порядке с фигурой, а голодовка...

Карина не позволила договорить, оборвала на полуслове:

– Раф, я не спрашиваю у тебя совета. Ты спросил. Я ответила. Всё.

И положила трубку.

Рафаэль посмотрел на потемневший экран телефона, все еще не веря, что это оказалось возможным – Карина никогда не прерывала разговор вот так. Бросив к черту затею с покупками и оставив тележку у касс, он вышел из магазина, торопливо вернулся в машину, завел двигатель и выехал со стоянки, уже предчувствуя, что вечер окажется не из приятных.

Дома горел только нижний свет – тоже недавнее нововведение Карины: она перестала любить яркий электрический. Вечером передвигалась в потемках, или включала подслепо-

ватые настольные лампы в гостиной и спальне. Едва заметный желтый свет пробивал темноту, ложился унылыми тенями на пол и стены. А Рафаэль видел этого уныния через объектив фотоаппарата – каждый день по сто раз. Поэтому дома любил оранжевый свет, солнечные цвета и тепло.

В неуютном полумраке Рафаэль ежился и включал свет.

Карина шла следом и выключала его.

– Что ты в потемках опять? – Раф подавил нарастающее раздражение, ударил ладонью по выключателю в коридоре, зажмурившись с непривычки от яркого света, полоснувшего по глазам.

Карина подошла к нему, дежурно чмокнула в щеку и снова выключила свет.

– Надо быть бережливее, нам жизнь дана не для того, чтобы прожигать ее, – отметила с укором. Окинув молодого человека взглядом и не заметив пакета из продуктового магазина, удивилась: – Почему ты ничего не взял?.. Хорошо, я разжарю тебе гречку и сварю сосиски, там в холодильнике еще остались.

Развернувшись, она пошла в кухню.

– Не надо мне сосиски... – крикнул вслед Рафаэль.

Но его уже никто не слушал. В кухне загремела посуда, приглушенно хлопнули шкафчики. Зашумела вода.

Рафаэль снял ботинки, поставил на полку. Прошел следом за Мариной и молча опустился на стул, продолжая наблюдать за ней. Девушка покосилась на него, посмотрела через плечо:

– Куртку-то чего не снял?.. И руки помой...

– Карин, ты с какими-то экологами связалась, да? – проигнорировав ее просьбу, спросил Рафаэль.

Ему нужно было понять.

Сам удивился, каким бесцветным прозвучал его голос. Будто свет выключили не только в квартире, но и у него в душе. Будто там тоже – желтый абажур в дальнем углу и длинные тревожные тени по стенам.

Карина фыркнула:

– Что за глупости?

– Ну, я больше не могу придумать логического объяснения: свет не включай, еду не готовь, распаривай, сыроедение какое-то постоянно практикуешь, книжки странные читаешь...

– Они не странные, они по саморазвитию.

Рафаэль придвинул к себе тонкую брошюру, скептически отозвался, прочитав название:

– «Солнце в себе» – это про саморазвитие?

Карина резко обернулась к нему, прислонилась бедром к столешнице и скрестила руки на груди:

– Что ты хочешь от меня? Я стараюсь сохранить те осколки тепла, что есть между нами! Но ты не помогаешь мне, ты пытаешься препарировать, ломать, докапываться до того, что я из последних сил стараюсь сгладить и сравнять...

Раф ее не узнавал: яростный, непримиримый взгляд, плотно сомкнутые губы, обострившиеся скулы, расширяю-

щиеся ноздри. Карина была в бешенстве и плохо скрывала это.

– Карин, – примирительно начал Рафаэль. Но осекся, опустил голову. И принялся тереть лоб, разгоняя некстати нависшую боль.

– Что «Карин»? Что, я не права? Не смей смотреть на меня, как на сумасшедшую!

– Но я не...

– Знаешь, с меня хватит, – Карина сорвала с талии передник, бросила его на стол.

– Карин, не истери.

– Значит, я еще и истеричка?! – девушка взвизгнула. Смирив Рафа презрительным взглядом, горестно проговорила: – Верно мне говорили, что ты меня никогда не понимал.

Рафаэль потерял дар речи. Но Карина, кажется, высказалась, и в дальнейшем споре участвовать не захотела. Решительно вышла их кухни.

– Карин, я знаю, когда женщина голодная, она злая, – крикнул ей вслед Раф. – Давай по пельмешке?

Дверь в спальню тихо затворилась и... щелкнула задвижка.

Рафаэль не помнил, чтобы у них была на двери задвижка – откуда ей там взяться, зачем? Но характерный звук ни с каким другим перепутать было невозможно. посидел в тишине, прислушиваясь. Поднялся, выключил газовую конфорку и включил свет. Прошел в коридор, толкнул дверь спальни

– да, и правда, заперта изнутри. Постучал костяшкой указательного пальца в косяк и позвал:

– Карин? Ну ты чего ушла-то? Я же шутил... Карин?

Она не ответила. Прищурившись Раф посмотрел через причудливые узоры вставленного в полотно двери узкого стекла – кажется, Карина лежала на кровати, отвернувшись к окну. Кажется, в одежде. Он постучал еще раз. Подождал. И направился в гостиную. Включил свет и телевизор, нашел новостной канал – снова наводнение, вспышка неизвестной инфекции, политические выступления во Франции, умные и печальные лица. Выключил звук и опустился на диван.

– Черти что, – пробормотал рассеянно, интенсивно растирая лицо.

Усталость накатила, накрыв с головой, придавила потяжелевшие плечи к спинке дивана, опустила затылок на подголовник. Прислушиваясь к тому, что происходит в квартире, Рафаэль задремал.

Сквозь сон он слышал голос Карины. Будто она говорила с кем-то по телефону – тихо и напряженно. Потом слышал шаги. Скрип мебели. Шорохи.

Хотелось встать и выяснить, что там происходит, но сон не отпускал, усталость забирала свое. Рафаэль спал, вытянув ноги и раскинув руки по дивану...

Рафаэль проснулся от головной боли – шея затекла, онемение растеклось от затылка по шее и предплечьям, от напряжения свело мышцы. Молодой человек с трудом пошевелился – тело не слушалось, будто чужое. С трудом повернул голову влево-вправо, растер виски. Прислушался. Осторожно встал и прошел на ватных ногах в ванную.

Проходя мимо спальни, заметил, что дверь приоткрыта. Помешкав всего пару мгновений, легонько толкнул ее и заглянул в комнату. Кровать оказалась не расправленной. Чуть примятая подушка Карины, сдвинутый и немного сморщенный плед, который обычно лежал в изножии. Рафаэль распахнул дверь сильнее, осмотрел комнату – она оказалась пуста.

– Карина... – позвал.

Он вернулся в коридор, постучал в ванную и туалет – тихо, свет выключен. Оглянулся на вешалку у входа – отсутствовала куртка Карины и ее осенние ботинки. В этот момент сердце почувствовало неладное.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Рафаэль.

Он и в самом деле ничего не понимал. Хватаясь за это непонимание, как за соломинку, Раф прошел на середину комнаты.

Уперев руки в бока, огляделся: все лежало на привычных

местах – книга, косметичка Карины, средства для укладки волос и расческа – на прикроватной тумбочке, шкатулка с украшениями на комод.

Открыл дверцу шкафа – почти вся одежда Карины оказалась на своих местах. Пустовали несколько полок с ее свитерами, купленными недавно. Кажется, отсутствовал темно-серый свитер, крупной вязки, и еще бежевый джемпер. Оба довольно странные и бесформенные, Рафаэль удивился, увидев их на Карине, – прежде она никогда такие не носила. Карина пожимала плечами и уклончиво отвечала, что они удобные.

Молодой человек заглянул на антресоль, где хранились чемоданы и дорожные сумки – одной из них, самой маленькой, не хватало.

«Ушла?» – он сам себе не верил.

Но все выглядело именно так. Ушла налегке, оставив практически все свои вещи.

Что означает? Что она вернется? А из-за чего ушла?

Из-за вчерашней ссоры ушла? Или что-то случилось раньше, а он не заметил? Или заметил, но не сумел разговорить ее и узнать? Или это вообще не предназначалось для его ушей?

Он прошел в гостиную, взял в руки забытый на диване мобильный телефон, набрал номер Карины – аппарат оказался «вне зоны действия сети». Рафаэль открыл приложение-мессенджер, посмотрел, когда Карина заходила в него в последний раз. Под ее именем значилось «Была вчера в 19–

43». Это как раз, когда он звонил из продуктового магазина.

Что происходит – Рафаэль не мог понять.

Почувствовав тяжесть в ногах, он вернулся в спальню, сел на то место, на котором Карина обычно спала, обхватил голову руками.

Ведь хорошо все было. Ну, спорили в последнее время, но ведь все пары через это проходят. Спорили всегда тихо, без особой злобы.

Или проблема как раз в этом?

Вот вчера, может, ему стоило насторожиться, когда Карина не хлопнула дверью, не вернулась, чтобы обругать его, но вместо этого замкнулась, ушла, защелкнула задвижку...

Сердце пропустило удар – получается, она поставила задвижку в спальне, заранее, сама. Получается, от него – других жильцов в их квартире не было.

Зачем? Карина всерьез думала, что ей нужно от него защищаться? Что он может причинить ей зло? Рафаэля бросило в холодный пот – он никогда ее пальцем не тронул, никогда не повышал голос, всегда поддерживал, ему самому было важно, чтобы в душе горел огонь, чтобы тепло было в груди. И берег эти огонь и тепло их отношений с Кариной... А вот эта задвижка на двери их общей спальни – хуже, чем пощечина.

Выходит, он так сильно обидел Карину, что она перестала ему до такой степени доверять, что решила поставить эту самую задвижку? Тайком?

«Когда она ее поставила?» – нелепый вопрос, ответ на который ничего не давал, но хоть как-то оттягивал неизбежное – вывод, что Карина просто от него ушла. Рафаэль зацепился за него, потому что ему это казалось важным – найти ту точку невозврата, которую он пропустил.

Позавчера он был на работе – делал съемку на природе. Уехал очень рано, Карина еще спала. До этого его тоже часто не бывало дома – последние дни зимы, когда еще много снега за городом, но уже довольно тепло – горячая пора для фотографа, многие хотят «экзотику» в сочетании снега и легкого летнего платья с букетом цветов. А тут он еще договорился на серию фотографий для обложки журнала – модель приехала из Москвы, они делали ночную съемку, на черной от холода воде, околели до костей, заехали всей группой – с костюмером, ассистентом, водителем и визажистом – в кафе, чтобы выпить горячего чая и согреться. Когда вернулся – Карина равнодушно отвернулась и ушла спать, сообщив, что ужин на плите.

«Приревновала?» – спросил себя, препарируя каждую мелочь, каждый косой взгляд. И тут же сам себе ответил: «Вряд ли». Он ничего не скрывал, показал фото, даже фото из кафе. Карина равнодушно скользнула по ним взглядом и бросила: «Чего это тебя на мрачняк потянуло?». И, не дождавшись ответа, повернулась и ушла.

Она всегда последнее время уходила, уклонялась от разговоров, утекала, словно вода сквозь пальцы.

«Может, Карина обиделась, что я ей мало внимания уделяю», – несмело предположил Раф. Но с другой стороны, они всегда так жили: кто-то же должен оплачивать ипотеку, Каринино обучение, кредит, который они взяли на ремонт и мебель... Он больше работал, но у них и возможностей для интересного отдыха стало больше.

...Голова шла кругом, когда взгляд зацепился за уголок листа, торчавшего из-под шкапулки с украшениями. Руки задрожали, когда Рафаэль аккуратно потянул его к себе, разглядев знакомый почерк подруги.

«Раф, не вини себя, не занимайся самоедством и самокопанием. Никто не виноват. Мне это следовало сделать давно. – Ровные буквы, как в тетради по каллиграфии. – Мы просто очень разные. Я этого раньше не понимала. Разные во всем. Такое бывает. Спасибо тебе за все. Не ищи меня. Карина».

Письмо. Которое должно было все объяснить, все еще больше запутало. В чем разные? Что значит «давно»? Почему не понимала?

Он схватился за голову, крепко сжал ее, тихо раскачиваясь, застонал.

Глава 2

Без нее

Прошло 3 недели, середина апреля

– Ты едешь? – из динамика раздался мурлыкающий девичий голос, чуть кокетливый.

– Еду, – Рафаэль отозвался сухо, свернул к кафе и притормозил на стоянке. – Приехал.

Девичий голос посерьезнел:

– Так давай, мы тебя ждем...

Рафаэль вздохнул. Выдернул ключ из замка зажигания и решительно дернул на себя ручку, распахивая дверь и выбираясь из автомобиля. В лицо дуло весенней сыростью, талым снегом и запахом первых, нераскрывшихся еще, почек.

Апрель стремительно расправлял плечи.

Рассеянно оглядевшись по сторонам, молодой человек привычно закатал рукава толстовки, снова нырнув в салон и достал из бардачка ежедневник, а с пассажирского сидения – фотоаппарат. Поставив машину на сигнализацию, направился ко входу в кафе.

– О-о, наконец-то! – радостные возгласы, протянутые навстречу руки: его команда была в полном сборе. – Раф, мы думали, ты окончательно потерял для фотографии.

Семен, ассистент Рафа, прищурился, бегло посмотрел на

фотокамеру и органайзер, с удовлетворением кивнул:

– Верно, хватит киснуть.

Посмотрев на него так строго, что Семен поперхнулся дальнейшими рассуждениями о неудачной личной жизни шефа, Рафаэль уселся за стол, улыбнулся подчеркнуто широко: меньше всего он хотел, чтобы ребята стали расспрашивать его и лезть в душу. Поэтому спросил первым:

– Что замышляем? Колитесь.

«Тростиночка» – небольшое уютное кафе недалеко от центра города: мягкие диванчики, крафтовый кофе, всегда свежая выпечка и приятная фоновая музыка – было излюбленным местом общих сборов творческой команды Рафаэля. Раньше, до ухода Карины, визажист Татьяна, стилист и креативный дизайнер Стас, ассистент Семен, менеджер по проектам художавый красавец Гораций (по паспорту Григорий Костылев), и он сам собирались здесь каждый понедельник. Делились наработками, обсуждали «косяки», планировали на неделю или на месяц вперед, отработывали и согласовывали планы по продвижению в соцсетях и по рекламе. Решали, за какие проекты возьмутся.

Спорили, обсуждали.

Рафаэль любил понедельники. Они зажигали его на неделю. И – особенно в последнее время, когда с Кариной стало творится что-то непонятное – согревали.

Раф пропустил три встречи: ездил к родителям Карины, в ее университет, поджидал на курсах, у репетиционной базы

ее группы. Все пытался ее найти. Пока в один прекрасный день не понял – Карина не хочет быть с ним, она просила оставить ее в покое. Возможно, даже встретила кого-то другого – почему нет?!

Сделать как она просила – единственное, что стоит делать. И еще – жить дальше.

«Люди расстаются. Такое бывает», – убеждал себя Рафаэль.

Иногда – вот так, перешагнув через общие планы и совместное прошлое. Не прощаясь и не объясняясь. Одним росчерком удаляя кого-то из своей жизни. Больно, жестоко, но это как вырезать аппендицит – раз и навсегда.

Оно, может, и к лучшему – к чему драмы и объяснения?

Раф горько усмехнулся своим мыслям, что не ускользнуло от внимания команды – ребята притихли, переглянулись с опаской. Семен, дернув мочку уха, сообщил:

– Ну, мы только тебя ждали... Тут дело крутое наклеывается... – Он еще раз окинул взглядом команду, словно надеясь получить от нее какую-то дополнительную поддержку. Остановил взгляд на лице Рафаэля. – Для «The Photograph».

Рафаэль оживился. «The Photograph» – крупнейший журнал индустрии, мировой лидер и создатель трендов. «Дело» для Photograph – это может оказаться делом на миллион. Прорывом, не только для него, но и для всей команды.

По настороженным и одновременно восторженным лицам ребят он понял – они еще не все рассказали. Есть что-то еще,

еще более важное, чем сам факт сотрудничества с журналом.

– И что за дело? – Рафаэль спросил, уже стараясь предугадать и тут же понимая, что не угадает – вариантов слишком много: – Ну, some on, ребята, не томите!

Стас усмехнулся:

– Ну, Гóра, давай, жарь... – он легонько ударил ладонью по поверхности стола.

Гораций откашлялся:

– Журнал объявил закрытый конкурс, победитель получит контракт на три обложки и ТОП-баннер по всем соц-сетям во время ежегодного фестиваля креаторов FineArt Rapsody... – он сделал драматическую паузу, позволив Рафаэлю осмыслить сказанное. – Photograph в этом году – их генеральный спонсор. От участников закрытого конкурса нужно концепт-фото.

Гораций перевел дух, вскинул подбородок.

– Закрытый конкурс? А мы как об этом узнали? – Рафаэль насторожился: сказанное было настолько невероятно, что верилось в него с трудом.

– Ты подошел к самом интересному, – Гораций криво усмехнулся, отхлебнул остывшего ежевичного чая. – У нас персональное приглашение!

Рафаэль остолбенел. Семен засмеялся:

– Отомри, друг. Их арт-директор видел твои работы для Insider в прошлом году...

Визажист Татьяна шурилась, с удовольствием наблюдала

за его реакцией. Для каждого из них само приглашение – уже событие. Рафаэль же почувствовал, как перед ним, как перед поисковой собакой махнули просаленной тряпичей.

– С заброшенной бензоколонки?

– Они самые, – Татьяна кивнула. – Связался с нами через директ. Он хочет, чтобы ты представил свою работу на конкурс.

Раф почувствовал, как загорается в нем любопытство и жажда узнать подробности. Придвинулся ближе к менеджеру проектов и администратору Горацию:

– Покажи письмо!

Парень активировал лежавший рядом с ним сотовый, подгрузил приложение, нашел нужную ветку сообщений и передал телефон Рафаэлю. Фотограф пробежал глазами письмо – короткое приглашение, которое Гора пересказал практически дословно. Но Раф жадно цеплялся за строки, перечитывал еще и еще раз, пытаясь додумать то, что осталось за текстом – ожидания, контекст, настроение непростого заказчика. Читал снова и снова, не доверяя собственным глазам.

Арт-директор крупнейшего профессионального издания. Сам.

Написал и предложил сотрудничество. Хоть и на конкурсной основе, но сам факт!

Рафаэль шумно выдохнул, отстраняясь от текста.

– Ты только сильно не радуйся, – заметила Татьяна, – конкурс закрытый, так что если пролетим, то никто об участии

в нем и не узнает, в портфолио такое не включишь...

– Отчего не включишь? Права на фото-то у нас останутся! – Семен возмутился.

Рафаэль кивнул:

– Это понятно. «Обещать – не значит жениться». Может ничего и не выгорит, только время зря потратим.

Ребята встрепенулись, отозвались почти хором:

– Но мы же потратим?!

– Конечно. Дай посмотреть техзадание, – он снова забрал сотовый из рук менеджера, открыл присланную арт-директором журнала ссылку.

Черно-белое фото. Горизонтальное размещение. Социальный контекст.

«Хм, – отметил, кивая собственным размышлениями: – Ясно, почему им работа для Insider понравилась».

Никакой обработки. Десять фото из одной локации. По сути – один шанс, либо «да», либо «нет». Концепт не зайдет – и сразу вылетели.

– А сколько всего участников? – Рафаэль с надеждой посмотрел на Горация.

Тот покачал головой:

– Ты что, такую инфу тебе никто не сольет. Может, десять, может, сто человек.

Рафаэль аккуратно положил телефон на стол, почесал переносицу:

– Нужна концепция...

– Что-то, как для Insider? – Таня прищурилась, прикидывая, что она может предложить в плане образа, посмотрела на стилиста. Стас поймал ее взгляд, промолчал: у каждого крутились идеи. Будет мозговой штурм – выскажутся.

Рафаэль покачал головой:

– Нет. Им как было у кого-то не надо. Им нужна уникальная концепция. Неповторимая... Не знаю... У меня пока идей нет.

Он порывисто встал, прошел к панорамному окну, посмотрел на улицу. В памяти всплывали образы – он отбрасывал их один за другим. Что-то будет «работать» только в цвете, им нужно черно-белое. Что-то недостаточно концептуально. В какой-то идее не хватает социальной подоплеки...

– Может, какой-то косплей за основу взять? – неуверенно предложил Граций. – Сейчас это в тренде: всякие ретёллинги, новеллизации... А? Золушку соединить с Катериной из «Грозы» Островского?

– Ага, будут они правами заморачиваться... – Стас покачал головой.

Рафаэль повернулся к ребятам:

– Надо думать. Бросайте все идеи в общий чат, любые рефы¹, на которые напоретесь в сети.

Команда переглянулась:

---

¹ Реф (сленг) – сокращенное от *референс* – вспомогательное изображение, рисунок или фотография, которые художник или дизайнер изучает перед работой, чтобы точнее передать детали, получить дополнительную информацию, идеи.

– Что мы ищем-то, хоть скажи?

Фотограф сосредоточенно смотрел перед собой. Уперев руки в бока, покачивался с носка на пятку.

– Понятия не имею, – проговорил, наконец. – Пойму, когда увижу.

* * *

Две недели до этого

Он сидел в чисто прибранной кухне неприветливого, будто затаившего на него обиду, дома. Косые оранжевые лучи скользили по паркету, оставляли длинные четко очерченные тени. Будто когти затаившегося монстра. Поставив локти на колени и положив подбородок на скрещенные руки, он слушал напряженный шепот и мысленно ругал себя: зря он это затеял. Зря он сюда приехал, это было ясно еще в тот момент, когда он попросил о встрече.

– Что вам нужно, – отрывисто ответил женский голос.

– Я хочу поговорить... О Карине. Могу я приехать?

– Ну, приезжайте, – с безразличной интонацией ответили ему.

Он почувствовал, что пожали. По голосу понял. По интонации.

И вот сейчас отчитывали как школьника.

– Я же вам еще по телефону сказала, Рафаэль, что ничего не знаю о Карине. Вашими усилиями мы почти не общаемся

с ней с того случая...

Мать Карины, Светлана, поглядывала на него сердито, одновременно с неистовством кроша капусту для салата.

– Я не настраивал Карину против вас...

Выглядело, как жалкое оправдание. Хотя они и в самом деле никогда не обсуждали родителей Карины.

Светлана поджала губы, презрительно процедила:

– Ну, конечно... По своему собственному желанию дочь перестала звонить и на выходные приезжать к родной матери.

Рафаэль покачал головой:

– Я не могу за нее ответить, почему так произошло. Я даже не спрашиваю вас, где она... Я просто хочу знать, что с ней все в порядке.

– Не спрашивает, где она... – Светлана шумно ссыпала капусту в салатницу, грохнула разделочной доской по столу: – И правильно делаете, что не спрашиваете... Я бы, если бы и знала, не сказала...

Рафаэль поднял глаза, спросил тихо:

– Почему?

Он с удивлением смотрел на в общем-то миловидную, если бы не желчный взгляд и скривившееся в неприязненной гримасе лицо, женщину.

Светлана отбросила от себя нож, уперла кулаки в бока:

– Потому что я рада, что у нее, наконец, голова прояснилась... Что ушла от тебя, за ум взялась.

– То есть вы не знаете, где она?.. А если она в беде и ей нужна помощь? – задал Раф еще один несмелый, бессмысленный вопрос.

Светлана фыркнула:

– Что там у нее может случиться?!

– Ну не знаю, – Рафаэль пожал плечами: – Заболела. Нет денег. Просто может быть ей одиноко, она запуталась и потерялась. И ей нужно с кем-то поговорить. Знать, что она кому-то нужна.

Светлана с раздражением закатила глаза.

– Ой, бросьте, Рафаэль! – она снова перешла на «вы». – Я понимаю, что у вас творческая профессия, тонкая душевная организация, – это было сказано с пренебрежительной интонацией, скорее как оскорбление, – но надумывать не надо... Это все не про мою дочь. Карина – взрослый, самостоятельный человек. Если она не хочет с вами общаться, значит, есть за что. – Светлана победно окинула взглядом съежившуюся фигуру несостоявшегося зятя, отвернулась, посмотрела в окно: – У какой-нибудь из подруг отсиживается. Деньги закончатся, приедет. Надеюсь, не к вам.

– Вы до такой степени не любите меня? Готовы игнорировать, что у Карины проблемы, лишь бы отвести ее от меня?

– Я всего лишь хочу лучшего для моего ребенка, – Светлана снова повернулась к Рафу, посмотрела с вызовом.

Рафаэль понимающе кивнул:

– А я – не лучшее... Все верно.

– Не лучшее, конечно. Ни кола, ни двора, сомнительное настоящее, еще более сомнительное прошлое... – Мать Карины осеклась, заметив, как посерело смуглое лицо парня. – Простите меня за прямоту, но вы даже не знаете, какая у вас наследственность. Еще неизвестно, чем вы «наградите» своих детей.

Она снова вернулась к своему салату, двигалась прерывисто, раздраженно, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

Рафаэль, вздохнув, поднялся, посмотрел сверху вниз – мать Карины едва доставала до его плеча – усмехнулся:

– Если Карина появится, сбросьте хотя бы СМС, что с ней все в порядке.

Он достал из кармана куртки визитку, положил на стол. Пальцы замерли на шершавой поверхности.

Рафаэль посмотрел на Светлану, на мгновение их взгляды встретились, и Рафаэль понял – не позвонит. Закусив губу, решительно развернулся и вышел на крыльцо.

Стремительно направился к калитке. Оглянулся уже садясь в машину.

Двухэтажный дом в окружении голых яблонь; темная горбатая крыша и две открытые террасы – на первом и на втором этаже. Светлый облицовочный кирпич, коричневые рамы стрельчатых окон. И круглое чердачное окно с витражом: расчленённый фигурным переплётом на восемь частей рас-

пустившийся нежно-голубой цветок незабудки².

Все началось именно с него.

* * *

Кафе «Тростиночка», середина апреля

Стас и Гораций переглянулись.

– Раф, завтра надо дать ответ, участвуем или нет, прислать первые рефы хотя бы, концепт какой-никакой, – Стас морщился, будто от зубной боли, смотрел исподлобья. – Это крайний срок, по-хорошему – сегодня.

Рафаэль все знал – в письме арт-директора были четко прописаны сроки. Порывисто поднял руки к голове, взъерошил темные курчавые волосы, прошептал:

– Нет идеи, понимаешь? Концепта нет. И тут лучше вообще не светиться, чем влезть и облажаться. Понимаешь?

Они по-прежнему сидели в кафе «Тростиночка». К краю стола сдвинуты чашки и прозрачный чайник с зеленым чаем. В центре стола – ворох мятых салфеток, листов из блокнотов и стикеров. Результат их мозгового штурма. Ребята терли виски.

Татьяна с надеждой предложила:

– Может, разойдемся? Со свежими силами завтра соберемся и снова все обдумаем? Сегодня все равно одно по од-

---

² Незабудка – символ невинности, вечной памяти.

ному топчемся.

Парни покачали головами:

– Ты же слышала – сегодня надо хоть что-то выдать.

Татьяна опустила плечи, прикрыла глаза. Стас кивнул:

– Раф прав. В нашем деле стабильный рост важнее фее-ричной победы. Хотя не всегда...

В разговор вступил Семен.

– От нас ждут чего-то особого. Покажешь середнячка, скажут, что прежний успех – случайность. И выбросят в утиль.

– Ну так и я том, – Рафаэль положил кулаки один на другой, опустил на них подбородок. Прикрыл глаза. Что-то неуловимое вертелось в голове. Ускользало сигаретным дымом сквозь пальцы.

– Чего мы хотя бы ищем? – Татьяна пошевелила ворох бумажных шариков – их забракованные идеи.

Рафаэль сам толком не знал. Будь у него время, он бы продумал, просмотрел на компьютере прежние работы «The Photograph», вышедшие в финал конкурса, просмотрел бы последние интервью арт-команды... Сейчас время – непозволительная роскошь. Но в одном он был уверен:

– Нужна необычная локация.

Семен вскинул голову:

– Необычная для нас или для них?

– Для них, конечно... Но в рамках стереотипов о стране. С чем у них ассоциируется Россия – Достоевский, снег, пу-

гающие просторы и inferнальные холода.

Гораций оживился:

– Может, пока снег совсем не стаял, натурную съемку замутим, по ходу решим, подойдет или нет. По прогнозу видел, циклон прет, мокрый снег обещают.

Рафаэль покачал головой:

– Нет, по ходу ничего решать не будем. Мы же не школьники, в самом деле. Да и времени нет пальцем в небо тыкать... Нужно наверняка действовать.

Стас вздохнул.

– А что тогда?

Рафаэль молчал. Идея, будто гусиное перо щекотала под носом, свербела в горле, просилась наружу. Неясная, несформированная, но близкая, протяни руку и поймаешь. Рафаэль пока хватал пустоту.

Татьяна прищурилась, вспоминая.

– А что, если пройти по этническим корням?

Гораций прищурился:

– А что? Этно-тематика сейчас в тренде.

Ребята одновременно усмехнулись на его очередное «в тренде». Стас скептически отмахнулся:

– Да ну, этнодеревню хочешь поднять? У них этих этнодеревень, как зимой снега, у них они появились раньше, чем у нас бизнес-центры... Этим их не удивишь.

Татьяна мотнула головой, упрямо поджала губы.

– Я думаю сделать как раз что-то знаковое, древнее, с

мрачной историей, что-то дикое... Ну, как вам объяснить...
С опорой на сторителлинг.

Стас хмыкнул:

– Сторителлинг... Скажешь тоже. Это что за зверь такой?
Гораций воодушевился, придвинулся ближе:

– Погоди-погоди, Татьяна дело говорит. Это сейчас тема
из тем – сторителлинг...

– «В тренде»? – хором закончили за него фразу ребята и
засмеялись.

Админ обиженно отмахнулся:

– Да ну вас... Ржете еще.

Рафаэль кивнул Татьяне:

– Говори.

Девушка поправила волосы, убрала за ухо темную прядь.

– Здесь недалеко, километрах в шестидесяти, есть старый
скит, вроде как староверов, но может и язычников, название
такое – под старину. Ну-у, то есть как – есть... Был! Гнилое
место, кто там ни поселится, тот или помрет, или без иму-
щества останется. Да и сам скит нет-нет, да загорается. Го-
ворят, прѡклятое место, никто туда не суется. Поговаривают,
будто здесь в давние времена женский монастырь действо-
вал. Так вот скит вполне мог быть от того монастыря. Еще
при язычниках монастырь основан был, очень старый. Его
княжеские дружинники спалили за что-то вместе со всеми
монахинями. Оттого место и нежилое до сих пор.

– Не было у язычников монастырей; а в наших краях по-

сле Никоновской реформы поселилось много староверов – Семен уже гуглил информацию. – Значит, монастырь и скит³ или сожгли монголы, например, или, если речь идёт только про раскольничий скит, то какая-нибудь карательная экспедиция, – он отложил сотовый. – Но это не точно.

Татьяна отмахнулась:

– Я не историк и не религиовед. Да и не в том суть, сейчас столько всего намешано, пойди, разберись, где правда, а где додумано и за истину выдано. Я рассказываю, что слышала... Но место красивое, загадочное. Мрачное. Голые ветви деревьев, почерневший остов часовни. Да, там каменная часовня сохранилась. Представьте: таинственные фрагменты росписи и пустые круглые глазницы окон, будто выколотые глаза великана. Скажи, Раф, чем не концепт?

– Скажешь тоже – великана. Тебе книжки писать надо, – Стас откинулся на спинку стула, смотрел отстраненно и скептически ухмылялся.

Рафаэль поднял вверх указательный палец:

– Татьяна дело говорит.

Стилист фыркнул:

– Бред...

Татьяна продолжала:

– «Бред» – это потому что не ты предложил, да? – Стас умолк. А Татьяна продолжала рассказывать: – Пару лет на-

---

³ Скит (греч. σκήτη от копт. ɛnt) – в общем случае место жительства монахов, отдалённое от крупных поселений людей.

зад эту землю заселила община, присматривает за часовней. Разобрала старое пожарище, заложила новый фундамент. Своими силами стройматериалы закупает, своими силами возводит. А в соцсетях вчера видела – опять сгорела постройка. В комментариях народ сразу про нечистую силу вспомнил и про эту легенду о сожженных заживо монахинях. Или как там они назывались у староверов. – Она окинула взглядом ребят, задержалась на сосредоточенном Рафаэле: – Я думаю можно раскрутить эту тематику, охота на ведьм, борьба с еретиками... Дико, стихийно, броско получится. И социальная тематика, опять же... Что скажешь?

Рафаэль задумался:

– А какой процент обработки фото допустим? – вместо ответа он посмотрел на Горация.

Тот соединил подушечки указательного и большого пальцев.

– Зеро, – отозвался.

Рафаэль кивнул, прикидывая, какие фото можно сделать.

– Значит, надо спецэффекты использовать... Есть парочка идей. Нужны лампы, сухой лед... Надо проехать на эту локацию, посмотреть, можно ли снимать прямо там...

Семен кивнул:

– Я проеду завтра, посмотрю, пощелкаю местность с разных ракурсов. Ночную съемку будем делать?

Раф задумчиво кивнул:

– Пока не знаю. Нет, думаю, что нет. Наоборот, утро ра-

нее. Когда иней на земле и пар изо рта.

Кажется, его пальцы сомкнулись, захватив, наконец, юркий хвост невесомой идеи.

Глава 3

СКИТ

Конец марта, Смоленск

Ночью опять подморозило. Когда она вышла на крыльцо, едва не упала – днем с козырька натекла большая лужа, которая теперь застыла наледью на ступеньках.

Девушка ахнула, схватилась за поручень, успев перехватить сумку с нехитрым скарбом – кружкой, тарелкой и ложкой, парой сменного белья и носков, это все, что ей разрешили взять с собой. Осторожно ступая по мерзлой земле и вдыхая сладковатый воздух притихшего города, направилась к автобусной остановке. Проходя мимо мусорных баков, притормозила, достала из кармана сотовый, вынула из него сим-карту и батарейку. В таком, разобранном виде, бросила телефон в мусорные баки. Сим-карту положила на ладонь. Рука дрогнула над вонючим нутром контейнера, не решаясь отпустить последнюю ниточку, еще соединявшую ее с прежней жизнью.

«Отринуть все прежнее», – прозвучал в голове строгий голос.

И Карина послушно перевернула ладонь, наблюдая, как крохотная золотистая пластинка, сделав кувырок, полетела вниз и затерялась среди мусора. Вот так.

«Все, что было – мусор и тщета, избавься от него без жалости, не то балластом будет, будет тянуть назад», – снова всплыло в памяти.

Девушка вздохнула и, не оглядываясь, решительно направилась в сторону шоссе.

В четыре утра от остановки отходил первый автобус до автовокзала, опаздывать никак нельзя – идти пешком, а это почти сорок минут, не хотелось. И на рейсовый в область тогда точно не успеет. Придется ждать следующего. А там... А там, когда рассеются тени, когда прошедшая ссора перестанет казаться чем-то серьезным, Карина была не уверена, что решимость не изменит ей и не заставит вернуться, набрать с телефонного автомата номер Рафаэля. Она мысленно повторила его номер, словно проверяя крепость нити, которую разорвать невозможно, это вам не пластинка, которую можно выкинуть. Память услужливо подбрасывала ей воспоминания, в которых они с Рафом были счастливы, а в душе шевелилось сомнение, которое убеждало, что она поступает жестоко с парнем, что он того не заслуживает, и что хорошее дело не начинается с обмана. Она велела себе прекратить – ведь для его же, Рафаэля, блага все делается. Ей нужно разобраться. Понять, что происходит в душе и найти свой путь. Не его, не матери, не кого-то еще путь. Свой собственный.

«А то ты не знаешь? – ворчало внутреннее сомнение. – Ты сколько раз это с Рафаэлем обсуждала?»

«Все решено», – отрезала.

И чудовище внутри замолчало.

В самом деле, все решено, уже ничего не изменить. Она даже вернуться домой не может, не разбудив Рафа. И если разбудить, все равно придется объяснять, куда она с вещами посреди ночи отправилась.

«Нет, все правильно! Все к лучшему! Иначе нельзя».

Она забралась в нагретый салон полупустого автобуса, в котором подремывал пожилой полицейский, очевидно, ехавший домой с дежурства. Он приоткрыл глаз, окинул профессионально-беспристрастным взглядом вошедшую Карину, поглубже спрятал руки под мышки и снова закрыл глаза.

Карина устроилась у окна.

Ночной город поблескивал желтыми огнями, манил, словно пытался обнять и остановить.

Но она представляла себя рыцарем на закованном в железные латы коне, который прорезает мечом темноту и мчит к тому большому и светлому, которое поселится однажды в душе. А вот этот лениво дремлющий человек в форме будет ее оруженосцем.

«Господи, что за чушь у тебя в голове! – одернула себя Карина, прислонившись лбом к холодному стеклу. – Точно лечиться надо».

Доехав до автовокзала, купила билет в один конец и устроилась в кресле – до отправки другого автобуса оставалось меньше получаса. В груди трепетало волнение, закипая и разливаясь по венам. Адреналин стучал в висках. Она впер-

вые слушала всех! Она впервые в жизни действовала сама, не спросив разрешения, не согласовав, не обсудив и взвесив с кем-то все «за» и «против». И это ощущение полной свободы и возможности управлять своей жизнью напоминало бунт!

Направляясь к рейсовому автобусу, Карина поймала свое отражение в темном стекле – взъерошенная, будто воробей, тревожная, с лихорадочно горящими глазами и растрепанным хвостом. Девушка, которая начинает новую жизнь.

Она впорхнула в салон, пробежала в самый хвост, чтобы устроиться в углу, на диванчике. В ноги дул, согревая, горячий воздух. Она ехала по городу, прощаясь с ним и обещая вернуться совсем другой – обновленной, цельной, точно знающей, чего она хочет в этой жизни. Вернется, чтобы жить по-настоящему. Не завтра, не послезавтра. Может, ей для этого потребуется месяц... или два. «Да, два месяца, это наверняка». Через два месяца будет совсем весна, она заполнит эти улочки, умоет покатые крыши и позолотит купола соборов. А над реками будут парить белокрылые чайки.

Карина подремывала, чувствуя, как бесповоротно меняется ее судьба.

* * *

Конец марта, Смоленская область

Когда Карина вышла из автобуса на старенькой, еще со-

ветских лет, остановке у заснеженного поля, над ним поднималось солнце. Тонкие, словно паутина, ванильно-розовые облака тянулись над черной кромкой леса. Карину никто не ждал. Сотового не было, перезвонить и уточнить она уже не могла, куда идти дальше – не знала. Посмотрев вслед отъезжавшему от остановки автобусу, вздохнула, плотнее закуталась в куртку.

Подстелив на скамейку рюкзак, уселась на него и приготовилась ждать. Обещали встретить.

Первое время в голове роились мысли, беспокойные, шальные. Собраться, пойти назад, в город. По крайней мере, не замерзнет. Вспоминала, когда следующий автобус, чтобы добраться до поселка. Выходило, что еще через четыре с лишним часа.

Пальцы на ногах быстро замерзли, да и колени под тонкой джинсой – тоже.

Девушка встала, принялась ходить взад-вперед. Подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, старалась согреться. Терла колени. Дышала на заледеневшие пальцы и опасливо поглядывала по сторонам: неяркое солнце освещало пустырь за остановкой, поля и будто живой, враждебно темнеющий лес.

– Нда-а, вот тебя угораздило, – девичий голос за спиной.

Карина вздрогнула, резко обернулась: веснушчатая девочка, на вид – подросток совсем: серая вязаная шапка из мохера, темный бесформенный пуховик ниже колен, в каком

не каждая пенсионерка выйдет «в люди», валенки с галошами. Незнакомая девушка тем временем оглядела всю ее с ног до макушки, покачала головой, кивнув на демисезонные Каринины ботинки:

– Не по погодке-то обувь, или не предупредили тебя? – не дождавшись ответа, махнула рукой: – А впрочем, какая разница. Доберемся, переоденешься, красоваться тут не перед кем.

Карина нахмурилась:

– Да я и не красуюсь... Я...

Незнакомка засмеялась:

– Да брось ты, я ничего такого не имела ввиду. Я о том только, что еще ночью подмораживает, а днем слякоть, в таких ботиночках по поселку не походишь... Да и не зачем... – Стянув в руки мохнатую рукавицу, потянула руку: – Меня Младой зовут.

Карина сжала протянутые пальцы – едва-едва. Млада покачала головой:

– У-у, заledenела вся. Бери мои рукавицы!

– Нет, не надо, – Карина запротестовала, но ее новая знакомая настойчиво сунула рукавицы в руки. Карина вздохнула: – А сама как?

– А сама в карманы спрячу. Я уже привыкла...

В самом деле, Млада сунула руки в глубокие карманы невзрачного пуховика. Кивнула в сторону леса:

– Пойдем! К заутрене еще успеем, матушка Ефросинья

обрадуется.

И шагнула на мерзлую землю, на едва заметную под выпавшим инеем тропу.

– Мы через поле пойдем? – Карина ужаснулась.

Млада кивнула:

– Так быстрее, напрямки, по полю, потом лесом. Через полчаса будем на месте. А если по дороге, то километра на три больше. – Она остановилась, настороженно посмотрела на гостью, ожидая, что та решит. Добавила с сомнением: – Замерзнешь совсем...

Карина вздохнула, шагнула следом:

– Пошли, раз ближе.

Она рассчитывала, что Млада ей что-нибудь расскажет о поселении, но та отвечала уклончиво. «Матушка все расскажет». «Матушка тебе лучше все покажет». Шли быстро, Карина сразу запыхалась, поэтому прекратила приставать с вопросами, пошла молча.

Прошли пролеском, миновали подзастиывшую, пахнущую прошлогодней листвой и гнилью, речушку, черную сейчас, в тонкой корке льда. Перебрались через мосток. Млада немного замедлила шаг, оглянулась через плечо:

– Никак согрелась?

Карина кивнула, поправила съехавшую с плеча лямку сумки.

– Согрелась. Долго еще?

– Так пришли уже, – Млада засмеялась, да тут же осек-

лась, будто поперхнулась смехом – у тропы их ждала темная фигура.

Черная юбка в пол, черная куртка. На голове – темно-серый платок, из-под которого виднелась узкая полоска хлопкового платка, белого, с наивным бирюзовым узором. Карина сразу узнала женщину: по строгому, пробирающему насквозь взгляду, высоким скулам, по непримиримой осанке. Ефросинья.

Млада сразу посерьезнела, сжалась и ссутулилась. Склонив голову к груди, торопливо и будто опасливо обошла матушку, пробормотала:

– Доброго здравия, матушка, вот – исполнила твое поручение, привела новую послушницу...

Матушка Ефросинья кивнула, протянув руку, замерла – Млада ловко поднырнула под ладонь, подставив макушку для снисходительного поглаживания, бросив на Карину быстрый взгляд, и поспешила дальше, оставив девушку с надеждой на Ефросинью.

– Ну, здравствуй, Агата...

Карина опешила.

– Я Карина, я вам звонила... – девушка с ужасом поняла, что пожилая женщина ее с кем-то путает.

Но та прикрыла глаза, жестом велела замолчать:

– Все мирское оставь здесь. Мысли мирские, греховные, заботы. Отныне имя твое сестра Агата, пока не очистишься, как слеза Богородицы. Тогда верну тебе имя прежнее. Но

только тогда. Поняла? – Карина послушно кивнула. – И коли спрашивать тебя кто станет, всем имя называй, данное сейчас. Поняла ли?

– Поняла. Сестра Агата.

Матушка Ефросинья удовлетворенно вздохнула – втянула колкий воздух и медленно выпустила его из груди: белая нить пара взвилась вверх, легла на ивовые ветви.

– Хорошо... – проговорила сухо. – Пойдем. Сегодня начнется твое послушание. Первое время – самое сложное. По нему пойму, можно ли спасти душу твою, очистить...

– А что, бывает, что нельзя? – Карина старалась не отставать.

Ефросинья замедлила шаг, посмотрела с издевкой:

– Неужто думала, что дьявол так просто от паствы своей откажется?

– Дьявол? – Карина нахмурилась, не понимая. В голове снова мелькнула мысль, что ее с кем-то спутали. – Я вроде ничего такого не делала...

Ефросинья усмехнулась:

– Не делала, говоришь? Отца с матерью ослушалась, в блуде живешь, лицедейством занимаешься: что ж это как не дьявольские проделки?

Девушка стыдливо промолчала. Матушка заговорила строго:

– Это оно только кажется, что живешь как все, значит, не грешишь. А только не замечаешь, что город погряз в грехе

и во блуде, как Содом и Гоморра. Все, все прогнило. Даже дети, агнцы Божии, и те с мальства к бесовским гаджетам привыкшие... Дьявольские игрища будут править миром до тех пор, пока небеса не разверзнутся и не поглотят эту обитель греха.

– Но... – Карина была готова вступить в привычный спор на тему цифровизации и компьютерных технологий, когда Ефросинья резко остановилась. Ее лицо будто потемнело, плотно сомкнутые губы почернели от злости, глаза горели. Подняв вверх указательный палец, женщина прошипела:

– Не упорствуй в грехе своем, не спорь! Ибо только на пороге исправления ты, еще одно слово, и отправлю как есть, восвояси! Тут Божье место, блудницам и грешницам не место здесь. А уговаривать и стеречь тебя никто не станет. Не хочешь, силы в душе не увидишь, возвращайся назад, в свой вертеп!

Она застыла, словно вмерзла в черную землю. Карина смотрела на нее, словно замороженная.

– Вижу, вижу, матушка. Я понять хочу. Одуматься. Отдышаться... – При этих словах глаза матушки Ефросиньи чуть потеплели. – Я не просто так сюда приехала, и, не разобравшись, домой не вернусь!

– Смотри... Замечу прежнее в речах или взгляде, от скита отлучу. Так и знай.

– Хорошо, матушка Ефросинья, я поняла...

Они двинулись вперед и скоро вышли из леска.

Перед Кариной открылся вид на небольшой поселок на пригорке: отсюда были видны пять или шесть срубов, обнесенных забором. За ними, чуть в стороне, на соседнем холме – черная после пожара церквушка.

– Скит? – она вспомнила сказанное матушкой Ефросиньей слово.

– Скит. По древнему монастырскому укладу живем, заведенному еще при первых Патриархах, от того и скит... – Они подошли к калитке, матушка ключом отворила ее, пропустила Карину вперед: – Ну, проходи-проходи. Сейчас все в трапезной. Оставляй пожитки свои в сенях, а сама ступай к сестрам. После келью твою покажу, послушание назначу...

Карина остановилась на деревянном помосте из плохо струганных досок, огляделась – внутри поселение оказалась побольше. Центральная улочка, если так можно было назвать тропу, укрытую деревянными плахами, сворачивала к холму. Узкими спусками подбиралась к небольшим, деревенского типа срубам. Над поселением поднимался теплый, манящий дым и запах свежего хлеба. Девушка сглотнула слюну, в одно мгновение почувствовав, как замерзла, проголодалась и устала.

– Матушка Ефросинья, вы как монашки тут живете? – спросила, почувствовав на себе изучающий взгляд женщины.

Та кивнула.

– Можно и так сказать. В нонешней церкви тоже греха

много. Мы же из веры самое чистое берем, в самые истоки глядим. Там она, благодать, на глубине спряталась, только стойким и настырным показывается, кто достоин познать ее и ей следовать... Сперва несложное тебе послушание дам. Что прибрать, покрасить, чем помочь сестрам. Потом посложнее. А там видно будет... Там решу, смогу ли помочь душе твоей истерзанной.

Она развернулась к девушке, сцепила натруженные пальцы. Посмотрела пристально, будто пригвоздив взглядом к помосту. Толкнув дверь, кивнула Карине:

– А теперь ступай, Агата. Да помни о грехе своем.

Карина вошла в жарко натопленные сени. Вдоль стены – лавка, под ней рядком – галоши разных размеров и степени чистоты, На вбитых в стену крючках – нехитрая одежда послушниц, пуховики да куртки. В углу – деревенский умывальник, рядом с ним, на гвоздике – колко накрахмаленный рушник, чуть примятый сестрами, вытиравшими им только что руки. У двери лежала, словно приклеенная к полу, домотканая дорожка. Карина огляделась, нашла тряпку, вытерла ею подошву обуви. Но, подумав, все-таки разулась – уличная грязь намертво вобралась рифленой подошвой и не вычищалась. Вздохнув, девушка поставила ботинки в ряд с другой обувью, вымыла руки.

Автоматически поправила волосы, пригладила хвост влажной рукой. Скрипнула дверь, из щели показалось уже знакомое веснушчатое лицо Млады.

– Пришла уже? Так заходи, чего мнешься, время трапезы закончится, обед ждать придется! А он после дневного послушания только... У нас с этим строго!

Бросив взгляд на ноги Карины в голубых хлопковых носочках, снова покачала головой, велела:

– Обуйся, здесь не город, полы холодные.

– Так ботинки грязные...

Млада махнула рукой:

– Все одно сейчас мыть буду. Заходи скорее, дует, всех сестер заморозим с тобой.

Карина послушно обулась и проскользнула следом.

Трапезная оказалась простой избой. Деревенская печь посредине, от нее – длинный стол, грубоватый и обстоятельный. За ним, на приставленных к нему лавках, сидели женщины разных возрастов. Темная одежда без украшений, длинные юбки в пол делали их похожими друг на друга. У всех головы плотно повязаны платками – ни прядки волос не видно.

На вошедшую послушницы посмотрели без интереса, сразу вернувшись к трапезе.

По центру стола стояло несколько глиняных горшков с крышками, в больших самодельных тарелках – крупно порезанные ломти серого хлеба, рядом – домашний сыр, поделенный дольками по числу послушниц и крынки с молоком и водой.

– Садись-садись, не тяни, – поторопила Карину Млада.

Подтолкнула к лавке.

Женщина, сидевшая с краю, не взглянув на Карину, молча сдвинулась, освободив место.

– Здравствуйте, – девушка кивнула, окинула всех взглядом, рассчитывая на ответное приветствие. Женщины еще раз на нее посмотрели, некоторые кивнули, другие – промолчали. Та, что освободила ей место, пробормотала:

– И тебе здравия.

– Садись уже, – прошипела Млада, с грохотом поставив перед Кариной тарелку, ложку и чистую кружку. Придвинув к ней ближайшую крынку и горшок, пояснила: – Кашу накладывай, сколько хочешь. Хлеб бери, сыр. Молоко наливай, тебе сегодня как вновь прибывшей полагается. С завтрашнего дня вода только будет... – она осеклась, пожала плечами: – А впрочем, не знаю, как матушка велит, просто завтра постный день.

Карина кивнула.

Ложка оказалась деревянная, словно реквизит исторического фильма. Да и все здесь выглядело, словно подготовленное для киносъемки, даже послушницы с неприветливыми и строгими лицами – будто актеры массовки. Девушка наблюдала, как Млада приглядывает за столом. Примостившись на табуретке у окна – кому надо хлеб придвинет, кому крынку передаст. Больше всего за Кариной приглядывала. Заметив, что девушка положила в тарелку всего пару ложек каши, нахмурилась, беззвучно потребовала положить еще. Карина

пожала плечами, послушалась, уверенная, что она столько не съест – не ела она прежде пшеничную кашу «без ничего» – мама всегда добавляла тертое яблоко, корицу или курагу. Да и молоко Карина не пила с детства.

– А можно воду? – спросила у Млады.

Та пожала плечами, отодвинула от нее крынку с молоком. Приставила полупустую – с водой.

Женщина, сидевшая рядом, пробормотала:

– Зря выделяешься, матушка такое не любит...

– Я не выделяюсь, я просто молоко не пью.

Женщина напротив оторвала от тарелки потускневший взгляд, в нем мелькнул интерес, не живой, а тяжелый, с при- таившейся злобой на дне. Скривив губы, усмехнулась:

– Да что ты ей объясняешь, пару дней покапризничает, на третий жрать любую баланду будет.

– Тише ты! – прикрикнули на нее сразу несколько голосов.

Карина растерянно оглянулась. Млада обошла со спины, похлопала по плечу:

– Не обращай внимания.

Женщина напротив подняла голову, пробормотала:

– Младка, а что ты о ней печешься? Надеешься, матушка тебя простит? – все рассмеялись. – Так не жди, не заработала ты еще прощение. Да и милый-благочестивый тебя не велел выпускать...

– Заткнись, Клавдия, – острое, приправленное неведомы- ми Карине конфликтами и неприязнью, веселье захлебну-

лось в одно мгновение – в трапезную вошла Ефросинья.

Посмотрела строго на притихших женщин.

Молча направилась на свое место – во главе стола, Карина не заметила, что там стоит лавка и приготовлены приборы.

Проходя мимо девушки, матушка покосилась на ее тарелку, кружку с водой. Спросила холодно:

– Отчего молока не дали Агате?

Млада отозвалась:

– Воды попросила.

Клавдия, мстительно взглянув на девушек, уточнила:

– Отказалась она. Говорит, не пьет...

Матушка Ефросинья села на свое место, наложила кашу, придвинула ломоть хлеба. Взяв с тарелки кусок сыра, откусила от него. Остальное положила на хлеб.

– Это правда? – светло-голубые глаза, словно льдинки, посмотрели в упор.

Карина почувствовала, как по спине стек холодок, будто эти льдинки за шиворот кто подложил. Сглотнула.

– Да нет... Не то, чтобы я...

Матушка Ефросинья перевела взгляд на Младу:

– А ты почто ее прикрывать вздумала?

– Я просто сказала, что она воду попросила, потому что она попросила. – А о том, что прежде от молока отказалась, не сказала... – заметила матушка.

Млада замолчала, закусив губу, опустила голову. Пальцы вцепились в полотенце – Карина видела, как побелели ко-

стяшки. Женщины за столом притихли, перестали жевать. Матушка Ефросинья смотрела на Младу, ждала ответа. Карина беспомощно оглядывалась, она понимала, что происходит, что-то ужасное, заставившее всех сидеть, словно они кол проглотили.

– Матушка Ефросинья, это моя оплошность, не вините Младу. Она ж не со зла...

– Еще бы она со зла, – матушка цокнула языком, вытаскивая застрявший между зубами кусок сыра.

Карина взмолилась:

– Я же не знала, что отказываться нельзя. Я просто с детства молока не пью.

Ефросинья скользнула по ней взглядом:

– И кашу не ешь, небось?

Карина с опаской кивнула:

– И кашу, – оглянулась на Младу, – такую не ела, мама в нее яблоки добавляла, курагу.

Ефросинья усмехнулась:

– О том забыть можешь. Мамкино меню дома будешь де-густировать, больше ценить станешь...

– Матушка Ефросинья...

Женщина не позволила договорить:

– То, что за Младку заступилась, мне любо, за то хвалю. Что норов свой показываешь, за то наказана будешь, сперва не строго, потому что по незнанию и недоумению. Но впредь знай – что дали, то и едим-пьем. Разносолов у нас тут не во-

дится, радуемся тому, что Бог шлет. Он пока к нам милостив, с голоду не пухнем. Но гневить его тоже не стоит.

– Простите, матушка, – Карина растерянно опустила глаза.

Ефросинья будто ее не слышала, продолжала в том же холодно-обстоятельном тоне:

– Что же касается тебя, Млада, то вижу вранье в тебе еще глубоко сидит. – Карина отчетливо услышала сдавленный вздох, который вырвался из груди новой знакомой. – Вечером подойдешь ко мне. Будем думать, что с тобой делать.

Млада кивнула.

– Что же до тебя, Клавдия...

Женщина, сидевшая до этого с спокойным и самодовольным видом, встрепенулась.

– А я-то чего?

Ефросинья посмотрела на нее, будто пощечину дала, повысила голос:

– Будто не понимаю я, с чего вдруг такая внимательность и желание рассказать, на чем Младка споткнулась? Думаешь, забыла я про молоко скисшее, которое ты на девку спихнуть хотела?

– Не думаю, – Клавдия потемнела лицом.

– То-то же... Уж не знаю, с чего ты надумала с Младкой счеты сводить, но знай, не терплю я гневливости. То грех не меньший, чем вранье или прелюбодеяние.

– Да, матушка...

– На ближнюю заимку поедешь.

Клавдия округлила глаза:

– К-как на заимку? За что?.. Сегодня?

Матушка Ефросинья снова посмотрела на нее. Приггла ледяным взглядом:

– Ты еще и спорить со мной вздумала? Сбирайся, сказала!

Клавдия, зыркнув на Младу, резко поднялась и вышла из избы. Ефросинья проводила ее взглядом, добавила оставшимся:

– А вы чего клювы пораскрывали? Вас дела не ждут, сестра Ольга послушания не назначила вам?

Женщины хором забормотали:

– Назначила, назначила.

– Ну так заканчивайте трапезничать и принимайтесь, работа сама не делается, грех из душ ваших ленью не выбьется. Младка, тебя это тоже касается. Вечером ко мне зайдешь, после вечерни. Вон с Агатой и заходи.

– Хорошо, матушка.

И Млада, подобрав подол, ссутулившись, торопливо выскользнула из избы.

Глава 4

Локация

Конец апреля, Смоленск

Ночью Рафаэлю снова снилась заброшенная часовня. Было темно и сыро, тянуло запахом прошлогоднего мха и прогнившими грибницами. Под ногами – он ощущал это отчетливо – склизкая, жирная от влаги земля, едва прикрытая темно-бурыми, наполовину истлевшими листьями. Раф видел урывками, словно ему нацепили на лоб светодиодный фонарь, старенький и подслеповатый, и он в кромешной темноте бросал тощий луч вокруг, выхватывая то голые ветки, то осыпавшуюся кладку.

Но Раф знал – он не один. Он слышал чужое дыхание рядом, чувствовал чье-то присутствие.

Нет, страха не было. Была растерянность и желание понять.

Странное место: потемневшие от времени камни, стертые ступени давно покинутого и разрушенного дома, стены, покрытые мхом. За высокой аркой – мрачная темнота заброшенного помещения. Иногда свет выхватывал движение в глубине, потемневшие лики с нечеловечески большими глазами. В проеме мелькнул женский силуэт – девушка стояла спиной, на фоне черного провала двери. И будто бы собира-

лась войти внутрь. Собиралась, но не решалась.

Рафаэлю показался знакомым этот жест неуверенности – вскинуть руку, желая будто бы поправить волосы, но рука застывала в воздухе, а через мгновение безвольно опускалась.

Сердце забилося отчетливее, кровь запульсировала в висках, будоража неясное воспоминание.

«Эй, кто ты?», – голос не слушался, упирался в преграду, звуки вязли в зубах.

Рафаэль почувствовал, как стало жарко – стены здания осветило оранжевым, от углов потянулись языки занимающегося пламени.

«Стой!» – еще одна безуспешная попытка закричать.

Словно рот зашит. Крик закипал, прорываясь наружу и упирался в плотно сомкнутые губы.

Огонь подбирался к девушке все ближе. Но девушка стояла, не замечая его.

«Стой, уходи отсюда!», – Рафаэль задыхался – горло будто ватной пеной заткнуло.

Он хрипел, звал, рвал путы, которые не пускали к ней – черные ветки словно ожили, связывая его, притягивая к земле. Ноги утопали в жидкой грязи, как в болоте, ноздри забивал едкий дым, а глаза слезились, застилая хрупкий силуэт, проступавший в сизом дыму.

Пламя взобралось на крышу, осветило покосившийся крест на небольшом деревянном куполе. И в то же мгновение вспыхнула чернота внутри здания. Темный провал пре-

вратился голодный раззявленный рот.

Девушка качнулась и шагнула в него.

– Нет!

Голос сорвался на фальцет. Рафаэль вскочил в кровати – мокрый. Обнаружил, что ноги влезли в клапан пододеяльника, запутались в нем. Молодой человек тяжело дышал, озираясь по сторонам и все еще не осознавая, что увиденное – всего лишь сон.

Память подбросила воспоминания об объятom пламенем куполе и кресте. Раф шумно выдохнул. Вытер пот с лица.

– Приснится же такое, – пробормотал.

Потянулся за сотовым – почти три часа ночи.

– Наслушался вчера Татьянинных сказок про сгоревший скит и монахинь, вот и снится всякое, – так объяснил себе кошмар Раф.

С размаха опустился на подушку – поморщился: влажная. Решительно поднялся, перевернул на другую сторону. Подумав, взял лежавшую рядом подушку Карины – он никак не мог заставить себя спать на ней, будто ждал, что девушка вернется и займет свое любимое место. Заботливо взбил и положил обратно.

Долго смотрел в потолок на скользившие по нему огни проезжавших мимо автомашин. Сон как рукой сняло.

Рафаэль встал, прошел в гостиную. Включил компьютер – вкладка ожила на последней открытой странице – по центру видео с локации, предложенной Татьяной. Полусгоревшая

часовня, ощущение заброшенности и безнадежного уныния. В правом поле экрана мигала реклама нового проекта на ТВ. Чуть ниже нее – информация о прошедших событиях.

Рафаэль достал папку с бумагой, из жестяной коробки – угольный карандаш. Неторопливо вздохнул.

Белый лист.

Композиционная разметка.

Линия горизонта чуть завалена. Очертания церквушки.

Рука скользила по листу, линии ложились на первый взгляд хаотично, прорисовывая что-то неясное, нечеткое. Как только что завершившийся сон. И такое же тревожное. В паутине линий стал проступать женский силуэт на фоне темного провала стены. Изящный профиль, изгиб хрупких плеч. Подобранные вверх выющиеся волосы, открывшие трогательную и беззащитную шею.

Уверенные штрихи, как прикосновение к любимой.

Картина заполнялась, штрихи ложились все плотнее, забивая собой белоснежную чистоту листа.

Вырвав эскиз из альбома, Рафаэль положил его на пол, рядом с такими же графитовыми набросками – идеями будущих снимков. Еще вчера в кафе «Тростиночка» ему казалось, что он нащупал решение, даже сбросил несколько набросков арт-директору «The Photograph».

Он понимал, что ему нужна эта локация. Но Семен сказал, что хозяйка этого скита даже разговаривать с ним не стала, так что разрешения на съемку у них все еще нет. И

это могла быть проблема – журнал будет запрашивать все исходники и согласования.

Рафаэль поручил Семену узнать в Росреестре, за кем зарегистрированы права собственности на эти руины.

А пока – думал.

Взгляд упал на последний набросок. Хрупкий силуэт на фоне голодной черноты, тревожные штрихи, будто когтистые лапы.

Карина. Девушка, которую он пытался остановить во сне была Карина.

* * *

К вечеру Семен позвонил, сообщил радостно, что «все ОК».

– Что именно «ОК»? – Рафаэль нахмурился, нажал кнопку «отправить» и отослал ссылку на Яндекс. Диск последнему клиенту, для которого завершил обработку фото.

Голова гудела, в желудке бурчало от голода. Чтобы ненадолго это не стало слышно в динамик, зажал сотовый плечом, откупорил бутылку с минералкой, сделал пару больших глотков.

– Так по поручению твоему! По собственнику развалин.

– А-а, понял. И что?

Семен отозвался через мгновение:

– Ну... ОК, я же сказал... Пришлось сделать ускоренный

запрос, с увеличенной госпошлиной, поднять кое-какие знакомства, чтобы ответили прямо сегодня. Потому что письменно только завтра можно будет...

Рафаэль кивнул.

– Значит, завтра в шесть утра общий сбор. Напомни Татьяне, чтобы захватила маску силиконовую...

– Чудовища?

– Да, его, родимого. Не уверен, что оно нам понадобится. Но пусть. И Семен... Найди веревки, не современные, а старые, типа пеньки? Найдешь? – он посмотрел на время – конечно, это свинство с его стороны, на часах почти шесть вечера.

Семен шумно засопел, но к совести взывать не стал, пробормотал:

– В гараже посмотрю... Нам же супер-новая не обязательно? Ничего, если немного промасленная окажется?

– Даже еще лучше. И сухой лед не забудь!

– Это помню, уже в багажнике.

Рафаэль, положив трубку, устался в разложенные на полу эскизы. «Хорошо бы получилось», – подумал, стараясь избегать взгляда на набросок с девушкой, похожей на Карину из тревожного сна – это его личные проблемы, вряд ли они кому-то еще нужны.

– Млада, успокойся уже...

Девушки сдавленно смеялись, то и дело оглядываясь по сторонам, будто опасаясь, что их увидят. В темной от холода воде поблескивало апрельское солнце, струился тонкий, будто паутина парок – это они опустили белье в реку. Цветастые ткани набухли, поднялись пузырями над поверхностью, подхваченные несильным течением и порывом ветра.

– Ох и влетит нам из-за тебя, – девушка поправила платок на голове, надвинула на брови, неумело собрала багром отплывшую одежду, прибила к деревянному мостку.

Ее напарница, смешливая девушка-подросток все больше улыбалась, чем работала сегодня. Она подставляла солнцу веснушчатое лицо и без устали болтала.

– Да ничего не влетит, вот сколько настирали! Послушание выполнили, отчего не расслабиться? – помолчав, изучая свою новую подругу, она спросила: – Агата, а в миру́ тебя как звали?

Карина осторожно, чтобы не поскользнуться на влажных, потемневших от времени досках, отозвалась:

– Тебе-то что?

– Да интересно просто. Все послушницы от мирских имен отказываются, зовутся, как матушка Ефросинья прикажет. У

тебя совсем чудно́е имя. Не православное⁴. Значит, и в миру тебя звали чудно́. Поэтому и спрашиваю. Интересно ведь...

– Ничего интересного. У тебя имя еще интереснее: Млада. – Карина, наклонившись, достала несколько рубашек, принялась отжимать. Покосившись на напарницу, бросила: – Ты так и будешь трепаться или поможешь?

– Пожалуешься? – девушка не шевелилась. Только теперь яркие, будто весеннее небо, глаза, искрились от настороженного удивления.

Карина вздохнула, снова вернулась к своему занятию:

– Дура ты... Сама знаешь, отречение от мирского – часть послушания. А ты меня во грех вгоняешь своими расспросами. Не хорошо. Я тебе о твоём имени не спрашиваю ведь, вот и ты не спрашивай.

Млада пожала плечами:

– А чего тут говорить, в этом тайны нет. Имя настоящее, мамой-папой данное...

Карина покосилась на нее подозрительно, но новых вопросов не задала.

Любопытная напарница соскользнула с пригорка, приблизилась к кромке воды. Подобрал длинную юбку и закрепив подол на поясе, подтянула к себе небольшое полотенце-рушник с вышивкой по краю. Скрутила ткань, наблюдая, как

---

⁴ Агата – в православной традиции Агафья; женское имя греческого происхождения (восходит к древне-греческому ἀγαθός (agathos), означающему «хороший, добрый»)

прозрачная вода возвращается в реку. Добавила примирительно:

– Почему сразу дура? У всего есть прошлое. У тебя. У этого ручья... Прошлое идет за нами, как его ни назови, не отпускает.

– Потому что болтаешь много. – Карина пожала плечами, вздохнула, но сказанное Младой засело под сердцем.

Девушка какое-то время полоскала белье. Покосившись на напарницу, все-таки спросила:

– А отчего у тебя мирское имя осталось? Конечно, странно, что без иноческого обряда, без батюшки матушка Ефросинья имена присваивает... Я читала, что послушницы – это еще не монахини, со своим именем живут. Или, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не...

Млада перебила Карину:

– А у меня обет такой.

– Ясно. – Карина закусила губу.

Отжав несколько рубашек, расправила их и резко встряхнула, расправляя складки. Влажное белье выбросило веер мелких брызг, засверкавших золотом в весеннем солнце.

– А в чем же тогда твой обет? – не выдержала, спросила.

Млада фыркнула:

– Кто-то говорил, что следует послушанию и любопытный нос не в свои дела не сует... – Посмотрев на девушку, примирительно отозвалась: – Ладно уж, скажу.

Оглядевшись по сторонам, наклонилась к Карине, одно-

временно вытягивая из-за пазухи тонкий шнур. Разжав ладонь, сунула Карине под нос болтающееся на нем обручальное кольцо.

– Видишь?

Темноволосая кивнула, затаила дыхание. Млада распрямилась, спрятала украшение обратно.

– Имя мое – мой крест. Я ж уголовница, Агата, воровка. Сюда мужем на исправление прислана.

– Мужем? Это ж сколько тебе лет? – Карина недоверчиво нахмурилась.

Млада посмотрела свысока:

– Двадцать два. Не веришь?... А на сколько тяну?

Девушка растерялась.

– Ну, не знаю. Я думала, тебе лет шестнадцать...

Млада присвистнула. Отжав еще несколько вещей, с размаху бросила их в корзину.

– А это у меня кровь такая. И мать такая, и тетка, и бабушка, говорят, в свои шестьдесят на сорок тянула... Кровь цыганская. Мое проклятье, – девушка закусил губу. – Все, что плохо лежит, к себе прибираю. Особенно золотишко. И колечко это, – она кивнула себе за спину, – из ворованного золота сплавлено.

Она остро глянула на Карину, прищурилась. Та задумчиво перекладывала вещи в корзине, молчала.

– И чего тебя сюда, насильно привезли?

– Ну, отчего насильно?... Муж сказал: или сюда, или

в тюрьму. Я, видишь ли, у золовки, ну, у его сестры то есть, кое-чего взяла, – девушка вздохнула, – Выпрямившись, уперла кулаки в тощие бока: – Не выдержала. Бес попутал, однозначно. Сколько раз я эту чертову заколку на ней видела, сколько раз в руках держала, ни одна крамольная мысль не пошевелилась. А тут в гости к ним приехали... А у них дом богатый... Муж ее в администрации работает, сама понимаешь... Ну вот, приезжаем, я в дом первой вхожу, мой Гриша у машины замешкался, сигареты искал. И вот захожу и вижу, как золовка буфет запирает... И, заметив меня, аж побелела вся, съежилась... и так бочком-бочком – в кухню. Спряталась. И до того меня злость и обида взяла, что...

Девушка махнула рукой.

– Ну так если ты воровала, наверно, естественно, что люди ценности перед твоим появлением припрятывали, нет?

– Вот! В самый корень смотришь! Я ж до того раза никогда ничего чужого и не брала. Но разве кого убедишь, раз цыганка – значит, воровка. А тут, как увидела, что эта стерва свое шмотье прячет от меня, так и выиграло во мне. Увидела на столике заколку для волос, обычная побрякушка, думала. А она антикварная оказалась.

Она опустила на корточки, подняла с берега камушек и со злостью запустила в воду – камень, скользя по темной поверхности, как капля по раскаленной сковороде, долетел до середины реки и, булькнув, утонул.

– Золовка сразу на меня показала. Муж мой, Гришка,

красный весь, как рак, взял мою сумочку, вытряхнул косметику мою, платочки бумажные, мусор всякий вроде портной карты... и заколку эту.

Они помолчали.

– Да-а, – протянула Карина. – Неприятная ситуация...

Млада кивнула.

– Гриша сказал, что или я сюда, к Ефросинье, на исправление и замаливание грехов, или разводится со мной... Ох, наревелась я тогда. От обиды. От глупости своей... – Девушка вздохнула.

– Поэтому тебя имя Ефросинья оставила?

– Да. «Имя твое – твой крест», сказала. И вот, послушание дала, – девушка кивнула на корзины с бельем. – Бессмысленное и беспощадное.

Она решительно встала, подняла одну из корзин, уперла дном в бедро и, перехватив за ручку и чуть изогнувшись под весом мокрого белья, стала подниматься вверх по тропинке.

– Отчего бессмысленное и беспощадное? – не поняла Карина, поднимая с камней свою корзину.

Млада тихо засмеялась:

– Да потому что в хозблоке есть прачечная... От колонки насосом вода.

Карина осеклась, поднятая с земли корзина, снова опустилась на камни.

– Как прачечная?

– А так. Ручной труд по мнению матушки Ефросиньи –

самый верный способ задуматься о себе и о своих грехах. Его таким, как я и поручают. А ты новенькая, вот матушка тебя испытать и решила...

Карина смотрела на свои красные, стертые до крови руки, которые заledenели до такой степени, что едва гнулись.

– Как же так?! – пробормотала.

Млада оглянулась через плечо:

– Да ты тут и не такое встретишь, не раскисай, подруга... Здесь не жить, здесь выживать надо уметь... Сюда ведь просто так не приходят. И прежними не уходят...

Карина с трудом подняла корзину:

– Ты так просто об этом говоришь.

– Я уже усвоила первый урок...

– Какой?

Они обошли кусты и вышли на тропинку, ведущую к поселку – яркое апрельское солнце отражалось от чисто вымытых стекол, било по глазам. Млада покосилась на спутницу, отозвалась небрежно:

– Смирение... Ты, если выбраться отсюда хочешь, что делать велют, то и делай. Не спорь.

Карина пробормотала:

– Да я по своей воле приехала.

Млада остановилась, глаза округлились от удивления:

– Зачем?

Карина шла молча следом, мрачно смотрела себе под ноги и все больше замыкалась. Млада уже и не ждала услышать

ответ, когда девушка прошелестела:

– Мíра в душе ищу.

Млада фыркнула. Смерив ее взглядом, отвернулась. До
Карины донеслось:

– Найдешь его здесь, как же...

Глава 5

Новая жизнь

В день ее приезда в скит, после ужина к ней подошла сестра Ольга, напомнила:

– К матушке-то зайди, не забудь.

Карина не забыла, просто откладывала до последнего – боялась. Вроде ничего особенного и не сделала, а неприятный осадок от утреннего разговора настоятельницы и Клавдии остался. А еще она видела, как та со слезами выбежала из дома матушки Ефросиньи, слышала, как причитала из своего домика, про злую долю, про несправедливость и что «из-за этих девок». Сестра Ольга на нее прикрикнула:

– Одумайся! Языком треплешь, словно помелом. Уж получила за него и не раз, все никак не успокоишься...

Карина невольно замедлила шаг, прислушалась. Клавдия молчала. Было слышно, как она всхлипывает, давясь обидой, как хлопают крышки сундуков.

– Скажи спасибо, что не на дальнюю заимку отправила тебя матушка, – раздался голос сестры Ольги – тихий, предостерегающий.

Из-за него у Карины ёкнуло в груди: что это за дальняя заимка, что ею пугают. Рядом послышались шаги, Карина заторопилась, она скользнула к дому матушки Ефросиньи.

В груди разрасталось волнение.

Дыра, поселившаяся в сердце несколько месяцев назад, подернулась мутной пленкой, словно плесенью. Под ней – Карина чувствовала это отчетливо – бездна только разрасталась. И, чтобы избавиться от страха, поселившегося в душе, девушка была готова на многое.

«И даже на дальнюю заимку, что бы это не значило», – подумала отчаянно.

Карина отчетливо помнила тот вечер, когда впервые всерьез поссорилась с Рафаэлем. Помнила дыру, которая образовалась в душе. Хотя нет... Дыра образовалась не в тот вечер. Раньше. Сперва – червоточина, которая иногда беспокоила, чаще – вечерами, в пустой квартире, когда казалось, что из каждого угла на нее кто-то пялился, а занавеска на окне колыхалась, собираясь в детское платьице.

Рафаэль отсутствовал вечерами все чаще, и червоточина незаметно разрослась до размера теннисного мяча.

Вчера, запершись в спальне, Карина поняла, что внутри пусто – осталась только заполнившая все нутрѳ черная дыра. На ее дне что-то клокотало, мешая сосредоточиться, что-то настойчиво пульсировало, требуя решительных действий.

Рафаэль подходил к комнате – она слышала, как он стукался, как растерянно вернулся в пустоту коридора.

Постепенно первое ощущение – паники и страха – сменилось отчуждением.

Зажмурившись, Карина слушала шаги Рафаэля по квар-

тире. Выдохнула, поняв, что разговора удалось избежать – скрипнул диван и забубнил телевизор.

А потом она испугалась. Испугалась, что сегодня построила между ними стену, за которой останется только она сама и разрастающаяся внутри черная дыра. И в конце концов эта дыра поглотит ее.

«Ефросинья права, надо решаться».

Матушка Ефросинья появилась в ее жизни зимой, через три или четыре недели после той жуткой истории с эксгумацией новорожденной девочки в доме родителей Карины.

В то утро после празднования Нового года, когда вся семья собралась за городом не только отметить праздник, но и познакомиться с невестой двоюродного брата Карины, Макса⁵, в ее комнату вломилась племянница, гостившая на новогодних каникулах. Закричала:

– Там труп!

И вылетела из комнаты. Карина слышала, как топают ее ноги в коридоре. Не поверила – выглянула в окно: за воротами стояли машины полиции, следственного комитета, «Скорой помощи».

...В доме пахло сердечными каплями и горем.

Карина не могла избавиться от холода в груди, стоило ей вспомнить то утро. Машины с красной лентой следственного комитета, хмурых криминалистов и нарочито деловитого следователя, низенького, с вьедливым и придиричивым взгля-

---

⁵ Читайте об этом в романе Е. Кретовой «Дом потерянных душ».

дом. Девушка не могла отделаться от ощущения, что этот взгляд ее в чем-то обвиняет, подозревает.

Она заглянула вниз, в подпол. Леденя сердцем, срывая дыхание – заглянула.

Ей бросилась в глаза уголок полуистлевшей ткани, перепачканной землей вперемешку с прахом. И тонкий, сладковатый запах – как она раньше не замечала его, спускаясь в подпол?

А потом небольшой сверток в плотном полиэтиленовом пакете подняли вверх – от него шел тот самый запах. Он осел в ноздрах, запутался в волосах, проник во внутренности. Как печать. Как черная метка.

Карина пыталась ее смыть. Но ни один шампунь, ни одна пенка для умывания не могла избавить ее от этого запаха. Потому что он проник так глубоко – под сердце.

Проник осознанием, что она, Карина, все эти годы жила, смеялась, пела, мечтала – на костях этой девочки, Незабудки, как называла ее невеста Макса, Аделия.

За месяцы, прошедшие с запоздалого погребения давно убитой девочки, Карина частенько заходила к ней на кладбище – приносила цветы, а иногда просто стояла над простой могилкой без портрета, с деревянным крестом вместо надгробия и потрепанным веночком.

– Почто к малютке ходишь? – строго окликнули ее в один из таких дней.

Карина вздрогнула от неожиданности, оглянулась – у ка-

литки замерла женщина в черном платке. Темное пальто растегнуто на груди, из-под старомодного отложного воротника видна бордовая ткань сорочки и неприметные деревянные бусики. Незнакомка изучала ее пристально-ясным, будто прозрачным, взглядом, внимательным и колким. Заметив растерянность девушки, женщина спросила еще строже:

– Третий раз уж тебя здесь вижу ... Твой грех? – и кивнула на могилку.

Спросила так, будто к казни приговорила.

Карина не сразу нашлась, что ответить, потерявшись под этим взглядом.

– Н-нет... В войну девочка... умерла, – она впервые дала произошедшему десятки лет назад название. Сказать «убита» язык не повернулся. Тем более пересказать жуткие подробности произошедшего почти восемьдесят лет назад на оккупированной немцами территории, установленные следствием.

Женщина вытянула шею, недоверчиво посмотрела на дату на табличке.

– М-м... А крест-то новый...

– Так недавнее захоронение.

Женщина не торопилась уходить, продолжала разглядывать Карину, так же неуютно, пробирая до костей.

– Зачем тогда ходишь? – и добавила мягче: – Грех это – по чужим покойникам плакать.

Незнакомка говорила жестко, словно обрубала канат. Или

вбивала гвоздь в крышку гроба – Карина вздрагивала на каждом слове и невольно втягивала голову в плечи, будто защищаясь от невидимых ударов.

На вопрос незнакомки поежилась, поправила воротник короткой дубленки и спрятала нос – теплый запах шерсти немного согрел. Посмотрев в ледяные глаза, отозвалась:

– Да она вроде как и не чужая...

Женщина еще раз строго посмотрела на нее и, покачив головой, наконец, отошла. Девушка проводила ее взглядом. Видела, как та прошла до калитки – вышагивая ровно и не торопясь, будто проплывая между черных оградок, как аккуратно толкнула калитку и вышла на улицу. За оградой еще раз мелькнул ее прямой силуэт и скрылся за поворотом.

Карина немного потопталась, поправила венок, принесенные цветы с простенькой погремушкой, притворила за собой калитку и, застегнув дубленку до самой последней пуговицы и нахлобучив шапку, побежала к выходу.

Та самая незнакомка стояла у киоска с цветами.

Будто ждала ее – во всяком случае, заметив Карину, шагнула навстречу, и проговорила неожиданно мягко:

– Ты прости, что так строго с тобой... Ходят иной раз, отмаливают грехи свои. Вот такие же как ты – чистенькие, благополучные девочки и мальчики: кто мать больную оставил, чтоб жизнь строить не мешала, кто детку из чрева вынул, кто еще что пострашнее...

– А что еще... пострашнее? – у Карины округлились глаза.

Незнакомка дотронулась до ее руки:

– Всякое на своем веку повидала. Если уж так дорога тебе эта малютка, значит, сердце твое еще мягкое, еще грехом не испорчено... Учишься?

– И учусь, и работаю, – Карина сама не знала, почему отвечает, но не могла отойти, вырваться от этого настойчивого голоса, будто пеленающего по рукам и ногам.

Незнакомка кивнула:

– Это хорошо. А на кого? Если не секрет, конечно...

– Да не секрет. На певицу учусь.

Женщина неодобрительно сверкнула глазами:

– Грех это, юродство одно. Делом займись. О душе смолodu заботиться надо, в чистоте хранить... Замужем?

Карина пожала плечами и отозвалась неопределенно:

– Да.

Женщина нахмурилась:

– Сожительствуешь, значит... Эх... Девки-девки, легкая добыча для беса.

Карина попыталась высвободиться: по спине стекал неприятный холодок, сковывал плечи и будто вымораживал что-то внутри. Та червоточина, что жила внутри, ожила, жадно хватала неуверенность, давясь, будто голодная псина. Незнакомка крепче перехватила руку девушки, заглянула в глаза:

– Если что гложет душу, значит, чует она несправедливость, которую с ней творишь, пятная блудом своим, мысля-

ми греховными и увлечениями сладострастными. Так и знай – противится она этому, душа твоя... От того и так больно, от того и будто пустота внутри.

От этих слов Карина вздрогнула: «Откуда она знает?»

– Ничего она не противится. Женщина, отпустите меня, – Карина отшатнулась, вырвала руку из цепких пальцев – кожу полоснули острые ногти.

Высвободившись, девушка поторопилась к автобусной остановке, путаясь в ногах и поскальзываясь.

– Трамвайный проезд, дом восемь «а». Найди меня, когда совсем тоска заест! – крикнула вслед незнакомка. – Спроси матушку Ефросинью! Это я.

Карина не оглянулась, ускорила шаг, чтобы успеть заскочить в первый подъехавший автобус. Проезжая мимо женщины, видела, как та смотрит на нее – будто видит в полумраке жарко натопленного салона. Карина отодвинулась от окна, ушла в глубь, соображая, как ей теперь добраться до дома.

А черная дыра внутри, будто почувствовав слабинку, с тех пор разрасталась все быстрее.

* * *

Карина замерла на крыльце, потопталась, собираясь с духом. В груди было тревожно.

Тревожили непривычные обычаи, мрачность и нелюди-

мость обитателей поселения, «скита», как его здесь все называли. Вроде и не было никакой враждебности, наоборот даже – послушницы помогали, подсказывали, как лучше, но общее настроение – словно с удавкой на горле, не отпускало Карину. Заставляло ежиться, как от холода.

Еще эта «дальняя заимка» будет теперь сниться в кошмарах. Она думала, что пробудет здесь пару месяцев. Но все оказалось запутаннее.

После завтрака ее поманила за собой Ольга, как ее тут называли, сестра-хозяйка.

– Пойдем, – сказала, – одежду тебе посподручней подберем.

Она привела Карину в самый дальний дом. Велела раздеться и выдала чистое белье, теплые колготки, длинную, как у всех тут, юбку, несколько кофт и бордовый пуховик.

– Немного великоват будет, – придиричиво оглядев, сделала вывод, – но ничего, зато под него можно нарядиться потеплее. Если матушка на дальнюю заимку работать пошлет, ко мне зайдешь, я тебе штаны ватные выдам, там холодно, пока домишко протопится, околеешь.

И засмеялась.

Сжимая в руках выданную одежду, Карина неуверенно поглядывала за окно – там послушницы расходились по работам.

Ольга взяла ее за руку, заглянула в глаза:

– Душа в строгости должна быть. А тело – в работе. И

тогда легкая станешь, как перышко, светлая, как утренний туман, и прозрачная, словно слеза младенца. Не грусти, это по первости тяжело. А потом – с каждым днем все легче.

Карина посмотрела на нее с тоской:

– А вы сколько здесь?

– У нас не принято выкать, – засмеялась сестра Ольга. – Мы ведь по старинному уставу живем, а в стародавние времена на «вы» только с врагами было. А я не враг тебе...

Девушка кивнула:

– Хорошо, я запомню.

Ольга поправила волосы, убрала под платок, и снова рассмеялась. Уселась на лавку:

– Запоминай, запоминай. А я здесь уже год...

– Год?! И домой не собираешься?

Ольга пожала плечами:

– Грехи не пускают... Да и знаешь, Агата, здесь спокойнее. В миру что – суета одна. Света белого не видишь за ней. А тут... Я рассвет встречаю, закат провожаю. На речку схожу, надышаться не могу простором этим, он будто через меня проходит, как солнечный лучик. Или как утренний туман – пронизывает насквозь, – она в самом деле будто светилась. Улыбалась открыто, душой.

Карина выдохнула с облегчением. Шмыгнула носом.

Ольга притянула ее к себе, обняла:

– Не плачь. Мир – он большой. Если мир тебя сюда загнал, значит, душа того просит, дай ей шанс. Если кто и поможет

тебе, так это матушка Ефросинья. Она хоть и строга, но видит каждую из нас до косточек. Иной раз больно делает, – при этом голос у Ольги дрогнул, на переносице пролегла и тут же растаяла морщинка, – но как нагар со старой сковородки без труда и пота не счищается, так и душа не светлеет без боли.

– Почему с родными нельзя видаться?

– Так потому что они снова к греху склонять будут, по рукам-ногам вязать. Им-то непривычно. По их мнению мы тут дурию маемся, секта у нас тут.

– Секта? – Карина встрепенулась.

Ольга, посмотрев на нее, звонко рассмеялась. Выпустила ее из объятий, потрепала по голове:

– Секта. Так и говорят местные... Люди злые в своем невежестве. Ты потом увидишь, когда немного пелена с глаз спадет.

Карина тыльной стороной ладони вытерла глаза, шмыгнула носом:

– Я скучаю. По парню своему...

Ольга покачала головой:

– Не скучай. Если дождется, то семья только крепче будет. А нет, значит, не твой это человек. Значит, Бог отвел с ним жизнь строить и детей рожать.

Карина внимательно посмотрела на нее: Ольга говорила всерьез, без тени иронии и шутки. Она искренне верила в то, что произносила.

Словно догадавшись о мыслях Карины, молодая женщина призналась:

– Ты не жди простого и легкого, простое и легкое только от лукавого. Истинная вера, как и истинное счастье рождается в муках. Вот считай, ты свое счастье и строить сюда приехала.

– Одна, без своего парня? – удивилась Карина. – Разве можно счастье в одиночку построить?

– Можно. Счастье оно одно на двоих, от него все греются... Ты не за него или за кого другого волнуйся, а за себя. Себя спасешь, и тем, кто рядом с тобой, хорошо будет. Это как в самолете, в случае аварии – если летишь с ребенком, сперва надень кислородную маску себе, потому ребенку. Так и тут. Сперва себя очисти, после ему поможешь. Поняла? – Ольга доверительно заглянула в глаза, сжала ладонь Карины. Спohватившись, подтолкнула девушку: – Ты давай, переодевайся, я твою одежду в шкаф уберу. А то мне дел еще сегодня... – она выразительно закатила глаза. – До обеда не управлюсь, без обеда и останусь.

Карина зашла за печку, задернула занавеску, стала стягивать с себя джинсы, свитер. Подумав, поменяла и белье – играть по правилам, значит, играть по полной программе. Иначе зачем она все это затеяла.

Дом матушки Ефросиньи стоял на отшибе, чуть в стороне от остальных домов и хозяйственных построек. Небольшой, чисто выбеленный, он почти не отличался от остальных. Невысокое крепкое крыльцо, тяжелая дверь в сени.

Карина зашла внутрь. Лавка, на ней – ведро. Внизу, под лавкой – галоши. В углу рядом со входом – веник. В противоположном – большая кадка для воды, полупустая.

Отряхнув валенки от уличной пыли, Карина постучала в дверь. И приоткрыла ее.

– Заходи, Агата, жду тебя.

Ефросинья сидела за столом. Перед ней лежало несколько стопок тетрадей, толстая книга вроде амбарной, в которую матушка как раз закончила вносить записи и неторопливо ее закрыла.

– Входи. Садись. – Матушка указала взглядом на лавку под окном.

Карина опустилась на нее, сцепила пальцы в замок в ожидании серьезного разговора.

Ефросинья скользнула по ней взглядом, собрала тетради в аккуратную стопку, водрузила поверх ручку и очки-половинки.

– Скажи мне, для чего ты здесь? Зачем пришла ко мне?

Карина подняла взгляд, проговорила тихо:

– Себя найти. Отдышаться и посмотреть на свою жизнь со стороны, чтобы понять, что в ней надо изменить.

Ефросинья кивнула:

– Чтоб смотреть со стороны, надо на другую сторону перейти. Понимаешь ли ты это?

– Понимаю, – соврала девушка, повторила сказанное когда-то матушкой Ефросиньей: – Отринуть все прежнее.

Матушка вздохнула, чутко среагировав на ложь:

– Хорошо, пусть так. Запомни, Агата, душа должна работать, чтобы не стать пищей для грехов твоих. Поэтому не жди, что по головке гладить буду, не жди, что будет легко. Испытывать буду, так и знай. И если воля твоя тверда, помогу тебе. Выйдешь отсюда светлой и чистой, как в день своего рождения. Поддашься грехам своим – выгоню прочь. И уж обратно на порог не пущу.

Карина кивнула:

– Я готова. За тем и приехала.

Ефросинья засмеялась:

– Да не затем. Ты думалатут что-то навроде курорта. Полежать, подумать о жизни, – она лукаво смотрела на девушку, ловко передразнила: – «Посмотреть на свою жизнь со стороны». Да чтоб смотреть на нее и видеть хоть что-то надо не один пуд соли съесть! Ну да ладно... Не в том суть. Главное – пришла. А это уже многое значит. И первое послушание выполнила.

– Какое?

– Ждать... Неужто ты думаешь, не знаю, когда городской автобус приходит на остановку?!

Карина опешила:

– Так вы специально... Сказали Младе, чтобы она задержалась?

– Конечно специально. Твердость воли твоей проверяла. Уехала бы домой – не велика потеря, скатертью дорога. А коль осталась, значит, сильна в тебе воля и желание очиститься. И понравилось мне, как ты Младу защищала, значит, дружить умеешь. Только знай – здесь, в скиту, это скорее против тебя – свои грехи и так тянут вниз, так ты еще и чужие взваливаешь на плечи. Впредь осторожней будь.

– Вы сказали, что накажете меня...

– Передумала я. – матушка Ефросинья пытливо смотрела на девушку. – Пока будешь помогать послушницам, познакомишься с ними поближе, почувствуешь наше сестринство. У нас быт простой – все сами делаем. Работы в поле пока нет, но к ней подготовка идет полным ходом, каждые руки не лишние. Поселишься с Младой. Но помни – о прошлом никого не спрашивай, в грех не вгоняй, не тревожь чужие раны, о своих заботься. Поняла ли?

– Поняла. А можно... Можно своим как-то сообщить, чтобы не волновались. Сказать, что жива я.

Ефросинья посмотрела на Карину. Взгляд стал ледяным. Взяв со стола блокнот, развернула его на чистой странице, подтолкнула девушке:

– Пиши, что сообщить и кому. Я сделаю.

Карина взяла протянутый карандаш, в блокноте написала: «Мама, со мной все в порядке, по возможности напишу через пару недель. Передай Рафаэлю, чтобы не волновался. Карина». И номер мобильного телефона.

Взгляд скользнул по неясному отпечатку продавленных предыдущей записью цифр +90 212 294-5248 Меджнул – удивило именно имя. Возможно, в нем ошибка, но оно выглядело как восточное, арабское. «Неужели здесь кто-то, отказавшийся от ислама?». Мысль показалась невероятной.

Но благодаря ей Карина сформулировала то, что ускользало от нее – она оказалась послушницей, ученицей женщины сильной, властной, и учение ее опирается на старые, домостроевские традиции, забытые сотни лет назад. По крайней мере, это объясняло многочисленные разговоры о вере, боге и пуританскую строгость быта. Девушка выдохнула с облегчением – все-таки то, что это не какая-то секта, успокаивало.

Матушка Ефросинья ее вздох поняла по-своему:

– Так что, передавать записку-то? – смотрела строго, будто испытывала на прочность.

Карина закусила губу, улыбнулась:

– Да, но не к спеху... Как получится.

Ефросинья протянула:

– Так получиться может еще не скоро, – и пона не отпустила ее взглядом.

Карине стало душно. Потемневшие образы, что висели над

подслеповатой лампадкой, будто тоже уставились на нее, так же пристально и нетерпимо, как и сама Ефросинья.

Девушка потупила взгляд, уставилась на подол собственного платья.

– Хорошо, – прошептала. – Я поняла. Пусть так.

И выскользнула из избы. Вдохнула полной грудью колкий от вечерней прохлады и живой воздух. Скит стоял на пушке леса. За оградой тянулись редкие сосенки, уводили в густой, первобытный лес, сейчас черный и мрачный, медленно просыпающийся от спячки. Едва не потерянное ощущение чего-то нового и сильного, расцветающего в ее груди, вернулось к Карине.

Глава 6

Фото

Пока добрались до локации, продрогли до костей – у Горация в машине сломалась печка, и всей команде пришлось ехать в холодном салоне, на холодных креслах, согревая руки дыханием и по очереди прикладываясь к термосу с горячим чаем, заботливо прихваченным Семеном для Татьяны и Зои – фотомодели. Зои – ясноглазая блондинка с пшеничными волосами, отливающими золотом, высокая, не худощавая, прекрасно «укладывалась» в сформировавшийся на Западе стереотип о русских – а именно на этно-теме Рафаэль и хотел сыграть.

Стас ворчал, когда машину подбрасывало на кочках и с тревогой поглядывал на подвешенные кофры с костюмами – он особенно гордился подготовленным для съемки «рубищем»: плотный лён с вытравленными по подолу, будто прогоревшими, пятнами, тонкая линия мережки и бахромы, зрительно состарившие полотно. Плетеный вручную пояс, налобное украшение и парчовые зарукавья с деревянными бляхами-нашивками.

– Я босиком что ли буду? – уточнила Зои с сомнением посмотрев через запотевшее окно на укрытые колким инеем поля: ночью опять подморозило.

Стас кивнул, напомнил бесстрастно:

– Мы это оговаривали.

– Ну я думала, в машине отогреюсь, а у вас дубак... – Девушка закусила губу, недовольно поморщилась.

Стас вздохнул:

– Не переживай, отогреем тебя, – он полез во внутренний карман, достал оранжевую упаковку со стельками, помахал ими перед моделью: – С подогревом, специально для тебя вчера взял. Так что все норм.

Девушка недоверчиво посмотрела на запечатанную упаковку, пожалала плечами: с работой в последнее время все хуже, девочки из агентства берутся за самые сомнительные заказы, ей еще повезло – для крупного журнала фотографироваться, если повезет, на обложке окажется. Так что ради портфолио можно и померзнуть. Зои положила голову на подголовник, мечтательно прикрыла глаза: при таком раскладе ее заметят, предложат контракт и она уедет, благо этот заказ оформила напрямую, не через модельное агентство – спасибо Семену – и в случае победы ей не придется делиться гонораром с этими упырями и выплачивать им отступные.

Зои уже мысленно вышагивала по мощеным улочкам старой Европы со стаканчиком крафтового кофе в руках и в дорогом пальто. Подумав, пририсовала рядом с собой еще и брутального брюнета – для полноты картины: визуализировать так визуализировать.

И Ламборджини пусть стоит на парковке. С водителем. Ее

водителем. «Интересно, сколько «Ламба» стоит, это вообще реально – ее купить?» – озадачилась девушка.

Рафаэль, прищурившись, наблюдал за ней – искал нужный ракурс. У девушки красивый, выразительный профиль, высокая линия скул и точеная – подбородка. Красивые запястья и щиколотки, сухие, изящные. Он вспоминал отснятую Семеном локацию, представляя Зою на фоне разрушенной часовни, прикидывал.

Поэтому когда доехали и выгрузили оборудование, он уже точно знал, что делать. Выбравшись из машины первым, сразу пошел к возвышавшемуся на холме строению.

– Семен, стойки закрепляй вот на тех камнях. Ракурс отсюда берем, – он ткнул себе под ноги, придирчиво оглядывая экспозицию. – Гóра, сделай что-нибудь с печкой... Околеем... Таня, Стас, вам сколько времени надо на мейк и одевание?

– Минут тридцать дай, – Татьяна выглянула из машины с сомнением посмотрела на свой чемоданчик.

Стас молча кивнул, соглашаясь. Пока с моделью работала Татьяна, он пошел к Рафаэлю и Семену.

– Хорошо получится. Колоритно, – отметил, встав за спиной фотографа. Он четко следовал принципу – сам себя не похвалишь, никто не похвалит. Или похвалит, но недостаточно.

Гораций возился под капотом внедорожника, проверял контакты, ворчал на всех автопроизводителей вместе взя-

тых.

Рафаэль покосился на него, дотронулся до плеча стилиста:

– Пройди вверх по тропинке, встань во-он у той коряги, пожалуйста, – он показал рукой в направлении поломанного дерева, почти перегородившего тропинку к почерневшему остову часовни.

Стас покосился на него:

– Ты меня что ли фотать собрался?

Раф уже снимал крышку с объектива, настраивал аппарат, посмотрел на стилиста:

– Надо четко размерить, куда Зои поставить... Холодно, простынет босая, вон, лед на лужах.

Стас фыркнул:

– У-у ты господи, – но направился к коряге: – Мы так-то ей за это деньги платим.

– Стас не будь свиньей... Стой где стоишь! – Рафаэль поднял вверх руку. – Замри. А теперь ме-е-е-дленно поворачивайся ко мне через левое плечо.

Стас скривился, но сделал, как тот хочет. Рафаэль сделал еще несколько снимков. Семен, поставивший последний фотозонт, развернулся к нему и замер – он всегда чувствовал себя заговоренной коброй, когда наблюдал, как Рафаэль работает. Казалось, фотоаппарат становился с ним одним целым, его глазами, руками, а сам фотограф – будто парил над мерзлой землей. Он передвигался быстро, не спуская пристального взгляда с объекта фотосъемки. Чуть приоткрыв

рот, будто на одном вздохе, он следовал за объектом, растворяясь и становясь призраком. Слышались только щелчки затвора фотоаппарата, словно сердцебиение железного робота.

Это завораживало.

Забывшись, Семен облокотился на стойку и едва не перевернул ее. Засмутившись, чертыхнулся, виновато оглянулся на Рафаэля – тот, кажется, даже не заметил, продолжал работать с камерой, выискивая лучшие ракурсы.

Из салона машины появилась Татьяна:

– Мы готовы. Стас, чего там с костюмом? Колдуй!

Тоже подошла ближе к Рафаэлю, заглянула через его плечо на экран фотоаппарата, хмыкнула.

– Стас, а из тебя отличная модель получается, – засмеялась в голос. – Немного задница широковата, но если подкачать... Хоть нижнее белье от Гуччи рекламируй.

– Вот себе и подкачивай... И нечего на мою задницу пялиться, – Стас, проходя мимо нее, ворчал: – Талантливый человек должен быть талантлив во всем...

– Должен, но не обязан, – Татьяна села на своего фирменного конька – доставать Стаса за работой.

Стилист посмотрел на нее сердито, но без злости.

Рафаэль отвлекся от объектива, покосился на Татьяну:

– Звезда моя, а ты его смени лучше... Только выше поднимайся, и чтобы угол часовни оказался слева от тебя, – Рафаэль определился с одним из удачных ракурсов, прикинул, как он будет смотреться с Зои. Теперь проверял другой ра-

курс.

Татьяна послушно заняла нужное ему место, театрально воздела руки к тусклым еще небесам, пропела:

– О боги всемогущие, пошлите температуру плюс шестнадцать, шоколадку и нормальный кофе!

Рафаэль снимал и ее. Не обращая внимания на баловство визажиста, командовал:

– Правее встань. Правая нога выше, как будто шагаешь по лестнице... Нет, развернись. Теперь как будто спускаешься...

– Раф, не старайся, я просто не фотогеничная, – Татьяна лукаво щурилась.

Рафаэль забрался на валун, присел на корточки перед девушкой, поймал в объектив веснушчатое лицо:

– Не напрашивайся на комплимент, – пробормотал рассеянно и снова уткнулся в экран. Встав в полный рост, кивнул девушке: – Все, можешь идти в машину...

Татьяна весело козырнула:

– Есть, босс...

Семен подошел ближе:

– Раф, сухой лед нести? Или ты передумал?

Фотограф кивнул:

– ...Стас! Что Зои, готова? У нас десять минут, пока солнце не переместится, потому всю экспозицию перестраивать...

Фотомодель выбралась из машины, предусмотрительно

бросила на мерзлую землю тапочки, сунула в них ноги. Рафаэль поманил ее к себе, указал на место, где только что стояла Татьяна:

– Сюда, – протянул ей руку, помог взобраться по крутой тропе. Дождь, когда девушка снимет тапочки, отдаст их Семену, чтобы не попали в кадр. Удовлетворенно кивнул: – Так... Что тебе навевает это место?.. Не говори. Думай об этом.

Зои огляделась, поежилась, зябко поджала пальцы на ногах. Рафаэль сделал первые кадры, считывая эмоции девушки.

Та прошептала:

– Тоску, уныние, безнадежность. Как последний приют, который не дает успокоение, а только забвение...

– Круто, давай пока с этой эмоцией, поработаем.

Зои то поворачивалась к часовне, то отворачивалась от нее, заплетала волосы, присев на черные камни, шурилась на восходящее из-за часовни солнце. Подходила ближе к почерневшим стенам, дотрагивалась до них пальцами, обнимала себя за плечи. Ветер трепал пшеничные волосы, золотил их. А Рафаэль фотографировал, фиксировал кадр за кадром, отчетливая понимая, что... не то.

Созданный образ не жил, не дышал.

И фотограф не понимал, в чем дело.

Искал. Продвигался ощупью, уже забыв о конкурсе, об ожиданиях команды и собственных амбициях, сосредото-

чившись только на том, что работа «не идет», кадр не слушается, эмоция утекает, рассыпается.

Подозвал Семена – тот ловко брызнул на руку модели воду из пульверизатора:

– Это чтобы не обжечься, – пояснил.

Зои посмотрела с тревогой на него, перевела взгляд на фотографа. Тот успокаивающе кивнул:

– Один кадр. Две секунды.

Семен положил в центр девичьей ладони плотный ватный шарик.

– На счет три.

Рафаэль приготовился, поднес фотоаппарат к лицу, рассматривая девушку в объектив.

Семен аккуратно поджег шарик в руке девушки, бросил к ее ногам дымовую шашку. Щелчок. Один-единственный кадр прежде, чем Зои испугалась и бросила ватный комок на землю.

– Все, брейк, – скомандовал.

Ему стало стыдно – девушка продрогла. Столько кадров. И почти стопроцентная уверенность, что все впустую.

Отпустив модель, помог ей надеть тапочки и спуститься ближе к машине, где ее перехватили Семен и Стас. Оба уверенные, что проделана отличная работа. Но Рафаэль-то точно знал, что нет. Мрачно уставился в экран, еще раз просмотрел отснятый материал.

– Ну что, Раф. Все? – От машины отделился Гора, махнул

рукой. – Я печку починил, поедем до города как приличные люди.

Рафаэль неопределенно кивнул:

– Сейчас, я еще пощелкаю... Собирайтесь.

И не позволив себя отговорить или отвлечь дополнительными вопросами, шагнул за угол, отделившись от ребят.

Слышал, как ребята недоуменно зашептались. Семен крикнул:

– Фотозонты собирать?

Рафаэль махнул рукой. Обошел здание.

Оно сильно повредилось из-за пожара.

Его пытались отреставрировать. Пожар свел все старания к нулю.

Фотограф видел почерневшие леса. Осторожно перешагнув через гору ломанных кирпичей, взошел на пригорок. Отсюда красивый вид на лес. И на видневшийся за ним небольшой жилой поселок, очевидно – ту самую экодеревню, о которой говорила Татьяна. Надо домами поднимался белый дым затопленных печей, сюда, на холм пахло пряно, дразняще.

Рафаэль просто фотографировал. Вид, линию горизонта – она его успокаивала, он даже думал, что стоит ее поставить как заставку на компе, будет хорошо освежать взгляд и успокаивать внимание. Он щелкал затвором фотоаппарата, не сразу заметив в окошко объектива движение – он невольно кого-то сфотографировал с противоположного, менее всего

поврежденного пожаром угла здания. По привычке пригляделся через экран, приблизил изображение.

Сердце упало и забилось часто-часто. Карина?

Этого не может быть. Приглядевшись, он уже сомневался: странная одежда, девушка казалась старше Карины.

Чтобы не выдать себя, он сделал еще несколько снимков, на этот раз – прицельно, выбирая ракурс так, чтобы лицо незнакомки попало в кадр, и тут же увеличивал его, чтобы убедиться. Руки дрожали.

Девушка, сбросив с плеч куртку, приладила ее на ветку дерева и теперь начала разбирать обугленные лесá – снимала уцелевшие доски, аккуратно складывала в стороне, выбивала обухом топора нижние опоры, прикрывая глаза от сыпавшейся золы, ждала, когда осядет пыль, чтобы собрать прогоревший мусор в строительные мешки. Ей помогали еще две женщины, в такой же неопределенного цвета одежде: длинные юбки до щиколотки, темные платки, перепачканные сажей лица, куртки распахнуты на груди. Все трое работали молча, без шуток, пения, которыми обычно сопровождается такая работа.

Рафаэль был все еще не уверен.

– Карина, – тихо позвал.

Девушка выпрямилась, огляделась по сторонам. Раф понял – она не видит его, но ветер донес его голос. Он вышел из-за лесов на открытое место.

Девушка уставилась на него. Глаза распахнулись от удив-

ления, но смотрели недоверчиво. Молодой человек шагнул вперед, девушка, будто очнувшись, ахнула, прикрыла рот перепачканной сажей ладонью, отшатнулась. Ее резкое движение привлекло внимание напарниц – те тоже распрямились, посмотрели на Рафаэля настороженно. Та, что постарше, перекрестилась.

– Карина! – сейчас он был абсолютно уверен – это она. Потерянная, с потухшим взором, перепуганная. Его Карина. – Карина, как хорошо, что ты нашлась!

Девушка схватилась за леса, интенсивно затрясла головой:

– Нет.

– Карина, это я, Рафаэль, ты меня узнаешь? – он сделал еще несколько неуверенных шагов навстречу.

К голове прилила кровь, ладони вспотели. Словно за соломинку, Раф вцепился в фотоаппарат, прижал к себе.

Девушка мотнула головой еще сильнее, бросила короткий, умоляющий взгляд на своих напарниц. Те промолчали.

– Нет, вы ошиблись... Я не Карина.

Рафаэль замер. Плечи опустились, в глазах загорелось недоумение – неужели ошибся?

– Я не Карина, меня Агатой зовут.

Рафаэль ничего не понимал.

Перед ним стояла Карина. Ее цвет глаз, ее лицо, ее руки, ее голос. И движения – ее.

Но она утверждает, что она – на самом деле не она.

«Амнезия?» – Рафаэль ругал себя за то, что не проверил после ее ухода больницы. Она ведь, в самом деле, могла попасть в аварию, могла получить травму. Да, нелепо, как в слезливой мелодраме. Но... другого-то объяснения все равно нет.

Девушка, закусив губу, развернулась и, схватив с ветки, куртку, побежала прочь, с пригорка – в сторону леса.

Рафаэль хотел побежать за ней, его остановили напарницы девушки:

– Чего удумал? Сказала – обознался ты! Так и ступай, откуда пришел! – преградив ему дорогу и оттесняя к стене, на него шагнула одна из женщин – та, что постарше и покрупнее. – Агата она, сестра наша.

«Сестра?» – у он знал всех родственников Карины, сестер у нее не было. Это окончательно сбило его с толку. Рафаэль смотрел вслед девушке, так и не решившись последовать за ней.

Махнув рукой, он развернулся и направился к машине.

Когда проходил мимо почерневшего входа в часовню, кто-то схватил его за руку, привлек к себе – Агата, которую он принял за свою Карину, приблизив к нему лицо, прошептала горячо:

– Ты как нашел меня?

– Да я работал здесь, снимал, – Рафаэль приподнял вверх руку с зажатым в ней фотоаппаратом... Карин...

– Нельзя, я для того здесь, чтобы очиститься, за всех нас.

Грех с души снять, так что не ходи сюда... Если увидят, плохо мне будет.

Рафаэль ничего не понимал:

– Кто увидит? Почему плохо?! Карина... Тебя здесь силой держат? Тебе угрожают? Какой грех?

Девушка качала головой. Не позволив Рафу договорить, прикрыла его рот пропахшей гарью ладонью. Прошептала:

– Не называй меня мирским именем. Для всех я Агата.

В голове Рафаэля будто что-то щелкнуло. Схватив девушку за рукав, потянул к выходу:

– К черту все, поехали!

Карина вырвала локоть, отпрянула к стене:

– Сказала тебе – никуда с тобой не пойду. Пожалуйста, услышь меня! И забудь, что видел здесь... Скажи, чтобы не искал никто, сама вернусь, когда смогу, – посмотрела строго.

– Карин... Это неправильно все...

Девушка нахмурилась.

– Оставь меня. Хоть немного уважай мое решение.

Покачала головой и, развернувшись, юркнула в просвет между опорами арки, выпрыгнула в окно.

* * *

Тем же вечером, Смоленск

Снова тот сон. Мучительная попытка закричать. Дотянуться. Карина снова стояла и смотрела в черное нутро раз-

рушенного здания.

«Что же это за место такое?!» – Рафаэль метался в забытьи, не в силах проснуться или что-то изменить, увязая в навязчивом и болезненном видении все глубже.

Но в этот раз что-то было иначе.

На голове Карины – платок, совсем как там, у часовни. Темное платье в пол. Из черноты провала тянулся сырой, мертвенно-сладкий воздух. И будто шевелилось в глубине что-то, приближаясь ко входу.

Рафаэль замер, всматриваясь в пустоту.

Карина качнулась, сделала шаг вперед. Рядом с ней оказалась девочка, еще не подросток, но уже и не малышка. Простенькая сорочка с голубой каймой и туго заплетенные косички, в руках – букет полевых цветов. Девочка держала Карину за руку и вроде как была с ней и прежде, но Рафаэль не видел ее никогда. Обернувшись через плечо, девочка посмотрела прямо на него – и его будто с головой в ледяную воду окунули. Посмотрела строго и неприветливо.

Подняв взгляд на Карину, девочка дернула ту за руку, заставив тоже оглянуться.

– Карина!

Ему удалось закричать. Всего мгновение сна. В котором он увидел ее потерянное, заплаканное лицо, искусанные в кровь губы. Успел заметить ссадины на руках и кровоподтеки на оголенной шее. Что с ней?! Где она?

Его выбросило из сна, тело в одно мгновение стало тяже-

лым, а мысли потеряли ясность.

Карина. С ней что-то не так. Она в опасности.

Рафаэль убрал влажные волосы со лба и шумно выдохнул. «Нет, это все неправильно», – решительно встал, подошел к окну.

За городом расцветал новый день, рассвет прорывался тонкой розовой полосой за горизонтом, отражаясь в стеклах сонных домов.

Что-то смутное ворочалось в душе странным, тревожным воспоминанием. Однажды он проснулся посреди ночи – Карина сидела на кровати, обхватив колени руками и раскачиваясь. Взгляд ее был устремлен в одну точку, будто видел кого-то в темном углу.

– Карин, ты чего?

– Та девочка, которую откопали под погребом в доме родителей... Как думаешь, она бы пережила ту войну? Наверно, выросла бы, родила ребеночка. И продолжала жить в этом доме... Она, а не я...

Карина говорила тихим, потерянным голосом. Чужим и бесцветным.

Рафаэль нахмурился:

– Не говори глупости. Ты, как все творческие люди, впечатлительна. Вот и лезут в голову дурные мысли. Какой ребеночек. И вообще, при чем тут ты? – он зевнул.

Карина продолжала раскачиваться, словно не слышала его.

Рафаэль сел, нетерпеливо откашлялся:

– Если тебя это так триггерит, обратись к психологу.

Карина взвилась, резко обернулась к нему – в темноте сверкнули ее глаза:

– Ты считаешь, что я ненормальная?!

– Ну, почему сразу ненормальная, – Раф смутился. – И вообще я имел в виду не это. Вон, к невесте Макса, например, можно обратиться. Поговорить с ней... Она же психолог вроде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.